

ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

ДЖЕК ШЕФЕР

КАНИОН

Джек Шефер

Каньон

Отыщите на карте край плоскогорий и высоких пиков, протянувшихся у северной границы Соединенных Штатов. Двигайтесь па запад, вдоль Северной Дакоты и Монтаны. Двигайтесь в сторону «ковша» Айдахо, к ровной сверху линии его «ручки», круто сверните на юго-восток близ главной гряды Скалистых гор, потом к Вайомингу. От гряды Абсарока берите на восток. Около восточной границы Южной Дакоты поверните к северу по новой дуге, а после вновь напрямик через Северную Дакоту до канадской границы. Район, который вы очертили, — это сердце горного пограничного края, с огромными пространствами Монтаны, напоминающей по очертанию быка, с ручкой «ковша» Айдахо и верхней частью Вайоминга; охватив обе Дакоты, он простирается на восток за широкую Миссури, где постепенно переходит в не столь высокие равнины, полого спускаясь до Миннесоты.

Эти названия значатся теперь на наших картах. Но тогда этих названий не существовало. Край не был даже нанесен на первые карты, а позднее многие годы по неведению обозначался как часть Великой Американской пустыни. Сиу, которые впоследствии завладели большей его частью и сделали своей последней твердыней, еще обитали к востоку от Миссури, передвигаясь на своих двоих. Их миграция на запад только начиналась, лишь первые разрозненные отряды проникли за реку, столкнулись с обитавшими там племенами, открыли для себя свободу, даруемую лошадей. Но кроу уже были там, и пауни, и команчи, и арапахо. И шайены. Последние двигались все дальше на запад от своих поселений на правом берегу Миссури, следуя за бизонами в глубь пастбищ раскинувшегося на плоскогорьях края. А далеко на востоке, недосыгаемые, словно затерянные на каком-то ином континенте, двенадцать колоний, которым предстояло превратиться в тринадцать, будоражили Атлантическое побережье насаждением цивилизации, и мысль об их независимости лишь смутно брезжила в некоторых умах.

Отыщите теперь на полпути между Миссури и полумесяцем Биг-Хорна, на линии, разделившей Вайоминг и Дакоту, почти округлую тень Черных Холмов. Они покоятся на карте между бурным южным рукавом реки Шайен и красивым длинным коридором северного рукава. Потоки, питающие эти реки, берут начало далеко в этих холмах, что и не холмы вовсе, а горы: их каменные с острыми уступами скалы поистине степенны и могучи. Если подняться правым из этих притоков, в конце концов очутишься подле отвесного твердокаменного обрыва футов в сто. Влево от него, на плоскогорье, всхолмленное пастбище постепенно поднимается, покуда не сравняется высотой с верхом отвесного обрыва. Тут вы попадаете на плато, которое тянется дальше на милю или больше. Теперь вам надо двигаться осторожно. Среди высоких трав и редких низких кустов земля внезапно разверзается огромной расселиной в скале, служащей основанием плато, отвесно низвергаясь футов на восемьдесят к почти ровному ложу и вновь поднимаясь на другой стороне до уровня плато, так что на малом расстоянии глаз не заметит обрыва. Перед вами былой каньон Медвежонка.

Много столетий тому назад, когда земная кора корчилась в потугах, выжимая кверху горы Запада, в результате какого-то сдвига слоев образовался этот каньон. По форме он

напоминает вытянутый, затупленный по концам треугольник. Довольно узкий в своем верхнем углу, где с высящихся над плато склонов падает поток, образуя в углублении, выдолбленном на дне лощины, небольшое озерцо, каньон постепенно расширяется, достигая футов пятисот в нижнем конце, где поток исчезает в расщелине. Отвесные, почти вертикальные стены каньона отутюжены природой. Лишь кое-где на узких уступах приютились пучки скудной травы и одинокие кустики, силящиеся удержаться корнями. Только глупец предпримет попытку одолеть в одиночку — вверх или вниз — эти склоны. Но в одном месте, где несколько уступов высятся друг над другом на расстоянии пятнадцати-двадцати футов, между ними в камне видны углубления, схожие по форме, размещенные равномерно. Они, несомненно, несут отпечаток мысли и руки человека.

Тогда в камне не было никаких углублений. Был опоясанный крутыми скалами затупленный треугольник каньона, утаенный среди плато в сердце Черных Холмов. Бизоны, найдя каньон и обнюхав его край, фыркали, обнаружив обрыв, и повертывали прочь. В незапамятные времена какое-то испуганное неосторожное животное, спасаясь в темноте от опасности, прыгнуло с обрыва навстречу мгновенной смерти от сокрушительного удара оземь или же медленной смерти от перелома костей. А как-то безлунной ночью в дали неслыханных лет, когда странная, охватившая все небо зарница вспыхнула во тьме, по чистому полю понеслось целое стадо; самые первые полетели с обрыва, а те, что мчались за ними, попытались повернуть, но сзади напирали, и поток живой плоти переливался через край, громоздясь кровавым месивом, на которое рухнули последние. При первом свете дня в каньоне рядом с грудой мертвых животных было семь живых бизонов; четверо из них еле волочили свой разбитый остов и постепенно угасли. Осталось трое, две коровы и бычок; и этого достало. Здесь были хорошие травы и ручей. Были деревья, дававшие летом тень, когда солнце стояло высоко. Были отвесные скалы, защищавшие от жестоких буранов. Впоследствии брачные бои быков и беспощадность зимы истребили слабейших, сохраняя поголовье почти неизменным, — небольшое стадо, никогда не более пятнадцати голов и редко меньше восьми животных.

Тогда на поднимающейся ввысь скале не было выбитых человеком углублений. Только каньон, да бизоны в нем, да хорошие травы, да деревья, да бегущий ручей. К западу отсюда, перенося свои лагеря с места на место, двигались вслед за свободно бродившими по равнине бизонами команчи и пауни. К северу и к востоку следом за другими стадами шли шайены, проникая в глубь холмов, чтобы, заслышав предупреждения ветров в молодом строевом лесу, нарубить свежих кольев для своих жилищ. Не спрашивайте, в каком точно году это было, в какие годы. Лишь с появлением в том или ином краю белых людей происходят ужасные перемены, для которых нужны точные даты. Тогда белые все еще пребывали далеко на востоке, едва начав преодолевать барьер Аппалачей. Их существование было для западных племен почти что легендой, которую старики на разные лады рассказывали ребятишкам, легко смешивая с рассказами о бродячих мексиканских торговцах, забиравшихся на север чуть не до самого Биг-Хорна. Былой каньон Медвежонка, еще не получивший имени, покамест еще и не найденный, мирно жил в чередке времен года, в глубине Черных Холмов, в краю плоскогорий и пиков, что высятся в середине континента...

Таковы место и время действия.

Жилища в деревне шайенов поставлены широким кругом, десятью группами по числу кланов, с более широким разрывом с востока — там вход в деревню. Внутри круга стоят два вигвама, отмеченные двойными крестами, один — священный вигвам заговоренных стрел, другой — бизоньей шапки. В одном из жилищ на западной стороне женщины приготовили пищу, заботливо разожгли очаг и удалились — тут будет раскурена ритуальная трубка. В жилище входят мужчины. Войдя, каждый делает шаг вправо и останавливается, пока хозяин со своего ложа не поприветствует его и не покажет, где сесть: если на особо почетное место, то слева, если же на просто почетное — справа. Каждый идет к своему месту, стараясь не оказаться между очагом и хозяином, самые же учтивые — вообще не пройти между очагом и

кем-нибудь, а только позади тех, кто уже сидит и теперь наклонится, чтобы пропустить входящего.

Все едят. Даже те, что плотно поели в своем жилище. Нельзя оскорбить хозяина, который им друг. Закончив еду, он вытирает руки. Ждет, пока все не вытрут руки. Достает свою ритуальную трубку и набивает ее домодельным табаком, в который добавлено немного толченой коры красной вербы. Держит перед собой трубку чубуком вверх и говорит:

— Друзья мои. Наши враги стали лагерем в шести днях пути от нас. Лик зимы был жесток. Сейчас идет месяц луны, под которой бизон начинает нагуливать тело. У наших врагов много хлопот. Они не ожидают нас. Мое желание — повести против них боевой отряд и угнать лошадей. Пойдете ли вы со мной?

Он уже водил боевые отряды. Ему не нужно спрашивать совета многоопытного старца и нести дары священным стрелам или, того пуще, целый день провисеть на шесте ради жертвы, которую должен принести молодой человек, пожелавший впервые возглавить боевой отряд. Он мог вот так собрать своих друзей, без заблаговременных упреждений и приготовлений по всем правилам, просто когда у него появилась к этому охота. Походы, которые он возглавлял, были успешны, и потому он не сомневался, что многие пойдут с ним. Он указывает чубуком вверх, на небо, и вниз, на землю, и в четыре главные стороны вокруг себя, на восток, на север, на запад, на юг, моля духов, что обитают в тех пределах, даровать ему успех и честь. Зажигает трубку, закуривает, передает ее человеку, сидящему по левую руку. Тот берет трубку, держит головкой вниз, медлит; быть может, взвешивает в уме решение, а быть может, ему нравится вызывать чувство неопределенности. Сидит он на самом почетном месте, и то, что он сделает, повлияет на остальных. Он поднимает трубку. Он курит ее. Он пойдет.

Трубка переходит от одного к другому. Каждый поступает согласно обычаю племени и особенностям, принятым в его клане. Каждый курит ее. Каждый пойдет. Это будет хороший поход. Наконец, трубка переходит к человеку, сидящему справа, на втором месте от входа. Он похож и непохож на остальных. Уши рассечены, но в них нет никаких украшений, волосы не схвачены сосновой смолой и не заплетены в косы, а просто распущены. Одежда его проста, на нем одеянья из шкуры бизона. Он присутствует здесь, потому что он мужчина и это его дом, не присутствовать значило бы оскорбить жилище. Он молод, но не первой молодостью, полной желаний. Здесь есть люди и помоложе, но те уже ходили в походы и добыли удачу, а он нет. Он всегда передавал трубку дальше, так и не затянувшись. Хозяин жилища опечален тем, но не выдаст ни словом, ни иным проявлением чувств, что у него на сердце. Другие все понимают и держатся так же. Размышляют, что сделает этот человек, похожий и все-таки непохожий на них, с трубкой, которую он держит в руке. Он сидит неподвижно, глядя в землю. С тех пор как объявилась трубка, он еще не поднимал глаз. Не поднимает он их и сейчас. Слышно его дыхание. Он держит трубку согласно обычаю. Он передает ее дальше, так и не курив...

Таков наш герой.

I

Его звали Медвежонок. То не имя, данное ему по всем правилам — братом отца или дедом, вместе с лошадью в подарок. Так его называли отец — сухтай и мать — цисциста, когда он был маленький. Он был толстеньким младенцем, с короткими ручками и ножками, более короткими, чем обычно, ведь шайены из родственных племен сухтаев и цисциста, которые соединились в одно племя, люди высокие и хорошо сложенные. Толстунчиком прозвали его

родители, кругляшом, а когда он начал ползать и пытался встать на свои короткие ножки, то превратился в их Медвежонка. Когда ему исполнилось шесть лет — в этом возрасте полагается дать имя, — отец и близкие родственники отца умерли, мать — тоже, как и ее ближайшая родня. Их унесла болезнь, которая пробралась в летний лагерь добрых охотников и их семей, оставивших деревню, чтобы следовать за бизонами, и, когда болезнь ушла, остался только один старик, две женщины и четверо детей, которым выпало вернуться в деревню.

Ни один шайен не голодает, когда у другого шайена есть запас мяса. Ни один шайен не остается без крова, пока у другого шайена есть кров. Медвежонка приютили в жилище Сильнойлевой Руки. Тут была пища и был кров, и приемные родители дали ему одежду и во всем обращались с ним, как с собственными детьми. Но Медвежонок всегда сознавал разницу. Когда ему исполнилось двенадцать лет, Сильнаялевая Рука подарил ему лошадь, пятнистого пони с крепкими ногами; такой подарок Сильнаялевая Рука сделал два года назад своему старшему сыну и так поступит через год, когда придет черед его младшего. Но все равно Медвежонок сознавал, что разница есть. Он был сиротой в жилище, которое не было жилищем его отца и его матери. Ему полагалось передавать новости, резать табак и пасти в лугах лошадей Сильнойлевой Руки. Правда, сыновья Сильнойлевой Руки делали то же в равной мере, потому что отец их был человек справедливый, и жена его была такая же во всем, что касалось женской работы. Но сыновья делали свою работу по праву членов семьи. От Медвежонка того же ждали взамен пищи, которую он ел, и крова, и одежды, которую он носил. И он помнил время, когда было не так.

Он помнил смех отца и тихий голос матери и тепло, бывшее не просто теплом очага. Он помнил, как отец, хороший охотник и хороший воин, подбрасывал его вверх тормашками в высокой траве и говорил, что надо развивать в руках силу, равную силе гризли, чтобы восполнить нехватку длины в ногах. Он помнил, как мать пела ему тихие песни, хоть он уже миновал возраст, когда засыпают под песню, и шила много мокасин и бахромчатых кожаных чулочков своему единственному ребенку, зная, что у нее не будет другого. Он помнил ее слова, что он не таков, как прочие мальчики, ибо уши ему проткнул Стоящий всю Ночь. Это она рассказывала всегда одинаково, всегда одними и теми же словами,

Состоялось это в Священной Хижине, во время священного собрания в пору летнего солнцестояния, в огромном лагере на равнине, куда стекались из всех деревень, отделенных многими днями пути. Вечером третьего из четырех дней танцев и церемоний, по завершении танцев этого дня и совершения обряда очищения трубки, матери, взяв на руки своих малышей, несли их на главную площадь собрания, а отцы просили старика глашатая воззвать к тем или иным людям с просьбой проткнуть уши ребенку. И тогда мать Медвежонка взяла мужа за локоть и шепнула, чтобы он попросил Стоящего всю Ночь. То была смелая мысль.

Стоящий всю Ночь не был по рождению шайеном. Он принадлежал к арикара, женился на девушке из манданов и сперва поселился в ее деревне, неподалеку от деревни шайенов. Он был еще молод, когда покинул ту деревню и ушел жить к шайенам, поскольку ему понравились эти люди и их обычаи. Они приняли его в свое племя. Теперь он был стар. Даже в самых дальних деревнях все знали его храбрость, мудрость и достоинства, которыми он отличался все годы. Он ведал больше про шайенов и их таинства, нежели старцы, рожденные в племени и прожившие в нем всю жизнь. Его уважали, как редко кого уважали. Не такой это человек, чтобы просить его проткнуть уши толстому круглому короткономому младенцу из отдаленной деревни подле гор. Отец Медвежонка услышал за своей спиной шепот, рассмеялся, словно шутке. Взглянул на жену, на их Толстунчика у нее на руках и больше не смеялся. Он взял сына и стал искать старика глашатая.

Голос глашатая Стоящий всю Ночь услышал в вигваме, где отдыхал после церемоний. Он прошествовал в центральный круг, освещенный огнем костра. Глубокий старик, и вся

храбрость, и мудрость, и достоинство его годов при нем. Он взглянул на Медвежонка, которого держал на руках смешливый отец-охотник, теперь не смеявшийся. Мог бы отвернуться, и ни один не остановил бы его. Ведь он — Стоящий Всю Ночь. Он взглянул и увидел нечто такое, чего не увидели другие, и голос прозвучал сильно, несмотря на бремя годов: «У этого малыша луна в глазах». Он стоял прямо и рассказывал в честь малыша об удаче, как подобает собирающемуся протыкать уши. Никто не слышал, чтобы он когда-нибудь раньше рассказывал об этой, такой непохожей на иные, удаче, ни разу за долгие годы, что прожил в племени. «Давным-давно, живя в жилище моего отца, я захотел стать воином прежде, чем достигну совершеннолетия. Я тайком выбрался из жилища отца, чтобы последовать за отрядом. Я его не нашел. Я заблудился. Три дня бродил без пищи. Ослабел и напугался. Меня нашел мужчина кроу, накормил и сказал, куда мне идти. Через три весны я шел с боевым отрядом. Ночью мы вошли в деревню кроу, чтобы захватить лошадей. Какой-то мужчина проснулся, выбежал из своего жилища и схватил меня. Я ударил дубинкой, и он упал. У него из носа струилась кровь, и он умер. Блеснула луна, и я узнал человека, который накормил меня».

Стоящий Всю Ночь вытащил нож, нож с железным лезвием, приобретенный у бледнокожего торговца на востоке от большой реки много-много лет назад. Согласно обычаю прорезал уши Медвежонка с наружной стороны. Каждый раз, когда вонзался нож, Медвежонок издавал слабый звук, но не сопротивлялся и не плакал...

Все это жило в памяти Медвежонка. Не давало забыть о разнице. А недостаточная длина ног ранила душу; хоть рана наконец затянулась, шрам остался. Медвежонок не мог бегать вровень с самым медленным из мальчишек. Они не хотели принимать его в игру, в которой нужно было бегать. Когда играли в охоту на бизонов и он был всадником на палочке-лошадке, то не мог догнать мальчиков, которые были бизонами. Когда держал шест с приколотым листом колючей груши, чьи шипы изображали рога бизона, происходило то же самое. Он изо всех сил метался из стороны в сторону и бросался, стараясь подцепить охотников шипами, а если одна из игрушечных стрел попадала в намазанное землей пятно на листе, изображавшее сердце бизона, падал и катался, взрывая пыль и затихая, как умирает подстреленный бизон. Но охотнику мало чести подстрелить такого бизона: слишком быстро его догонишь, его выпадов слишком легко избежать. А когда играли в угон лошадей, от него вовсе не было проку. Он выходил из подобных игр, усаживался, скрестив ноги, на возвышении и смотрел, как играют другие дети, а когда те исчезали из виду, все так же сидел и смотрел на широкий мир, мысли шли и шли.

Когда у него наконец появился пятнистый пони, стало лучше. Медвежонок скакал на нем верхом, как всякий шайен. Верхом на пони он был не ниже любого другого мужчины. В пылу охоты он обрел смех, игравший на губах, и храбрость подъезжать близко и пользоваться копьем. Он не наносил ударов в почки, как некоторые мужчины, которые, изувечив животное, на безопасном расстоянии поджидали его смерти. Он бил в грудь, прямо в сердце, а если бизон пытался увернуться и напасть, крепко держал копье и нажимал до тех пор, пока собственная сила и сила пони и противоборствующая им сила бизона не вонзали острие, поражая насмерть. Но когда Медвежонок сходил на землю, чтобы освежевать и разделать тушу, чтобы нести в лагерь, то вновь вспоминал про свои короткие ноги и ту разницу, которую они порождали. Из-за этого-то ему казалось, что не подобает украшать свои уши кольцами или бисерными подвесками, убирать волосы, как принято, или сидеть в кругу гостей в одеянье из шкуры бизона, украшенной прекрасной отделкой, а нужно держаться просто и незаметно.

Он вырос добрым охотником. Как подобает мужчине, помогал снабжать жилище, дабы не переводились мясо и свежие шкуры, из которых женщины шьют одежду и спальные покрывала. При нем у Сильнойлевой Руки оставалось больше времени для тропы войны и для собственных сыновей. Когда сыновья достигли совершеннолетия, они курили трубку, когда их просили в их жилище или в других жилищах, и стали хорошими воинами, не знали

устали в пути и угнали много лошадей, больше, чем потеряли, и когда возвращались с удачей, не было случая, чтобы они не подарили Медвежонку одну из лучших лошадей, чтобы в праздники он мог согласно обычаю делать подарки. Уважали его за храбрость во время охоты и за тихое достоинство у семейного очага. Сильная Левая Рука гордился чувствами, которые связывали его сыновей и приемного сына. Но ни он, ни его сыновья не могли даже понять, почему этот приемный сын и брат не желает курить трубку войны. Да и сам Медвежонок не понимал этого. Он радовался, что его названные братья показывают себя хорошими воинами и добывают себе богатство и честь в глазах деревни. Тем не менее когда ему передавали трубку и он заглядывал в свое сердце, решая, как поступить, неизменно не находил в себе никакого желания добывать честь таким путем. Была лишь память о разнице, непостижимой его уму...

В трех милях от деревни остановился в ложбине возвращавшийся из удачного похода отряд, готовясь поразить односельчан возвращением с победой. Убивши бизона, сняли часть шкуры, подвесили на вбитых в землю колышках так, что посередине она провисала, образуя подобие котла. Спустили в котел кровь. Нарвали пучков плевел, туго скрутили их, подожгли концы, а пепел высыпали в кровь, размешали, и смесь потемнела. Расстелили на земле свои одеяния. Один из стариков взял остроконечную палку, погрузил в котел и начал наносить узоры на одеяния. Работая, он разъяснял молодым, почему делает то или другое. Он нарисовал на одеяниях параллельные линии, а между ними — следы медведя и следы волка и разное другое, имевшее свое значение. Высыхая, краска чернела и прочно ложилась на кожу.

Окончив разрисовку, сожгли маленькие кустики и темным пеплом разрисовали себе лица. Молодые мужчины провели на лбу и щеках полосы, а мужчины постарше покрыли пеплом все лицо. Все оделись так, как во время набега на врагов. Сели на боевых пони, а остальных вели за собой на веревках из сыромятной кожи. Поднявшись на последний пригорок перед деревней, издали боевой клич и ринулись к расположенным по кругу жилищам.

То был волнующий миг, который любой воин не скоро забудет. Вся деревня — мужчины, женщины, дети, собаки с криком и лаем — высыпала навстречу, приветствуя героев. Поскольку приближались стремительно, не задержавшись на вершине пригорка помахать развернутыми одеялами, все знали, что не потеряно ни одного человека. Поскольку вели много коней, стало ясно, что добыто немало богатств и чести. Люди вскидывали руки, обнимая воинов и помогая им спешиться. Вокруг расхаживали певцы и пели о них песни. В подтверждение своей гордости и радости их родные подносили подарки тем, кому не повезло, так как в отряде не было ни одного представителя из этой семьи.

Вскоре занялись приготовлениями к пиру. Между жилищами сновали детишки, передававшие слова приглашения. Из отверстий для дыма летели в вечерний сумрак искры от наново возжженных очагов. В сгущающейся тьме языки огня, видневшиеся сквозь входные проемы, очертили круг, по которому расположилась деревня. Бой барабанов наполнил воздух дробным грохотом; большие гремели там, где исполнялись ритуальные танцы, те, что поменьше, сопровождали азартные игры, время от времени их прошивало стремительное стаккато, всякий раз отмечавшее момент высшего накала в большом жилище, где члены отряда рассказывали, соревнуясь, о своих успехах.

Шумное веселье затянулось надолго; совсем стемнело. Наконец погасли костры. Люди разошлись по своим жилищам, улеглись. Замолкли барабаны и трещотки, и единственная музыка, которая теперь раздавалась, — одинокая песня любви какого-то юноши, наигрывавшего на флейте у жилища любимой. Но и флейта затихла. Замерли вздрагивавшие на привязи лошади, и собаки свернулись в пыли, каждая на своем излюбленном месте. Последними искрами вспыхнули угли и погасли; деревню, неотъемлемую часть бескрайней равнины, волнами катившейся к холмам и высоченным горам, объяли сон и тишина.

Медвежонку не спалось. Он лежал на постели из ивовых прутьев, на подстилке, сплетенной из тростника, у самого входа, оставшегося открытым. Лившийся в жилище млечный свет поздней луны манил. Медвежонок тихонько встал, пошел через деревню на открытую равнину. Сел, скрестив ноги, среди высоких трав и слушал шелестевшие в них ночные ветерки. Смотрел на луну. Долго сидел он. Вдалеке завыл койот, откликнулся другой, и еще один, и понесся тягучий, скорбный, тоскливый вой. Потом наступила тишина. Не беззвучная тишь, ибо в шелесте трав он различал голоса Майюнов, духов, которые обитают в земле.

— Что тревожит этого, — говорили они, — почему не может он быть как другие мужчины? Он сражается с могучим бизоном, не бежит от его острых рогов, но с врагами своего народа сражаться не желает. — Клок облака, проплывая, скрыл луну, но Медвежонок по-прежнему не отрываясь смотрел на нее и слушал, о чем говорят Майюны:

— Его разум отяжелел от дум. От дум, что идут вразрез с добрым обычаем. Он должен облегчить душу жертвой, так велит старец.

Долго размышлял об этом Медвежонок и понял, что ему делать. Он поднялся и вернулся домой. Взял только необходимое: трубку, кисет с табаком и мешочек с пеммиканом. Водрузил на пятнистого пони набитые травой подушки, которые служили ему седлом, и поехал на восток, навстречу поднимающемуся солнцу.

Весь день ехал Медвежонок, а потом — всю ночь. Он останавливался лишь затем, чтобы попить, немного отдохнуть и дать отдых лошади. К середине следующего дня он достиг деревни, которую искал. Узнал жилище по выведенным на нем узорам. Перед входом девушка варила на костре похлебку в небольшом горшке. Он прошел мимо нее, войдя, отступил вправо и стал ждать. С ложа на него смотрели, ярко блестя на изборожденном морщинами, беззубом лице, глаза старика, возлежавшего на груди бизоньих шкур, глаза старца, глаза великого, Стоящего Всю Ночь, самого старого из всех живущих шайенов, такого старого, что и не сосчитать лет, способного теперь принимать лишь жидкую пищу и двигаться лишь с помощью двух здоровяков правнуков.

Старик показал на место у себя в ногах. Медвежонок подошел, старательно обходя очаг. Сел, достал трубку, набил ее, протянул руку к горящему полену, закурил. Когда трубка раскурилась, он протянул ее старцу чубуком вверх. Старец протянул руку, взял трубку. Закурил.

Не один раз наполнял Стоящий Всю Ночь легкие ароматным дымом, медленно выдыхая его. Выкурив трубку, он вернул ее Медвежонку. Старческий голос, выходящий из тщедушной груди, раздавался словно эхо:

— Мой друг, чего хочешь ты от меня? И Медвежонок поспешил произнести слова, которые твердил про себя по дороге:

— В мыслях моих — просить тебя пойти со мной на гору.

В тот миг, как раздались эти слова, Медвежонок устыдился. Молодой человек, который желает принести жертву, должен просить кого-то старшего и опытного дать ему наставления, отвести в надлежащее место, явиться за ним в конце назначенного срока и спуститься вместе с горы. А он, приемыш из какой-то дальней деревушки, который ни разу не знал удачи и даже не имел имени, данного по всем правилам, обратил слово к великому, к Стоящему Всю Ночь, который уже больше не может ходить, не может пройти никакого расстояния от своего жилища, даже опираясь на сильные плечи правнуков.

Велик был стыд в груди Медвежонка, уронившего голову и опустившего взор. Но голос Стоящего Всю Ночь заставил его вновь поднять голову.

— Мой друг, посмотри на меня.

Он посмотрел на Стоящего Всю Ночь, а старик посмотрел на него и что-то увидел в его лице, чего не видели другие.

— Мой друг, ты тот малыш, у которого была луна в глазах. Что тревожит тебя?

И Медвежонок заговорил, ведь перед ним тот, кто рассек ему уши, и старческий голос исполнен доброты. Медвежонок заговорил о разнице, которую неизменно чувствовал, о мыслях, что наливались в нем тяжестью:

— ...И есть у человека кобыла, а у кобылы — жеребенок. Четыре времени года должен ждать человек рождения жеребенка, и потом еще дважды, а то и трижды по четыре, пока тот не подрастет, чтоб стать хорошим конем. И все же на нем человек поедет на войну, хотя коня могут убить, пустив стрелу или вонзив копье. Или так случится, что человек добудет лошадь врага. А этот враг должен был прежде ждать четыре времени года, пока у его кобылы родится жеребенок, и дважды, а то и трижды по четыре, пока не вырастет и не станет пригоден к делу. А теряет его в один миг. — И еще сказал Медвежонок: — Когда курят трубку войны и вступают на тропу войны, может порой показаться, что они как играющие дети. Но эта игра может принести раны, траур по погибшим что в одну деревню, что в другую. Охота тоже может принести раны и траур по погибшим. Но охота — другое дело.

Так сказал Медвежонок. Когда у него вышли слова, он замолчал, и стало слышно дыхание тишины. Стоящий Всю Ночь долго оставался недвижим.

— Мой друг, — промолвил он, — один человек не может изменить племя. И это хорошо. Иначе бы все и вся без конца менялось то на один лад, то на другой, причиняя много горя и мучений всем людям. Так оно и следует, чтобы человек поступал по обычаям племени. Также следует, чтобы ни один не совершал поступка, зная в сердце своем, что было бы дурно поступить так. Это трудно. Нужна уверенность, что сердце говорит правду. — Стоящий Всю Ночь откинулся на груду бизоньих шкур, закрыл глаза. Когда они закрылись, казалось, свет жизни покинул его. Но вот глаза его открылись. В них светилась новая сила. — Мой друг, мой странный малыш, к кому взывает луна. Ты должен исполнить то, что в твоих мыслях. Ты должен пойти в горы и голодать там. Я пойду с тобой. Эти старые кости и клочья плоти, что все еще есть на них, останутся здесь и будут питаться похлебкой, которую готовит для меня моя правнучка. И все же я буду с тобой. Ты должен поступать, как я скажу, и когда завоет волк и ни один не подхватит, прислушайся — я буду с тобой...

При свете луны на открытую равнину выходит человек. Идя короткими шагами, он из того малого мира, что знаком и привычен ему, попадает в бескрайнюю ширь. Перед ним, раскинувшись во все стороны, открывается огромное пространство. Здесь нет дорог и конечных остановок. Только земля, бесконечная и живая, простирается за пределы воображения, к вечно отступающему горизонту.

Он садится в густой траве, скрестив ноги. Куда ни глянь, его окружает край света. Всего на несколько футов ниже, однако теперь он бесконечно ближе к сердцу земли. Он — часть великой тишины, которая живет и дышит вокруг, и в тишине ему слышен шепот ветра среди травинок. Здесь — древнее чудо начал человека.

Впереди был отлогий подъем. Медвежонок шел, медленно шел. Пятнистый пони остался в двух днях пути на восток, у родимой деревни, вместе с лошадьми его приемной семьи. Человек, который собирается принести жертву, должен смиренно идти пешком.

Он ушел далеко в горы. Другие юноши приносили жертву неподалеку от деревни. Но слова старца обязывали — он подчинялся. Боялся, но подчинялся. Такой вот край, с глубокими лощинами меж высоких холмов и громогрящими горными кручами впереди, мог охватить

своим далеко проникающим взором Химмавихийо, Мудрый Верховный, когда взирал на сотворенную им землю и людей. В таком вот краю, где среди прекрасных лугов вдруг встают скалы причудливых очертаний, живут злые Майюны, которые любят напускать болезни и смущать душу темной тревогой. Он боялся, но шел вперед и не оглядывался.

Он дошел до того места, где сливались два потока, и не знал, вдоль какого идти. Вспомнил слова старика и, сорвав длинную травинку, стал держать ее перед собой. Повеял ветерок — травинка склонилась влево. Медвежонок пошел вдоль левого потока, держась по обычаю правого берега.

Он дошел до плоского уступа, высившегося недалеко от потока, с правой стороны. Место хорошее. На востоке холмы расступаются, видно все до самого горизонта, где каждое утро будет всходить солнце. На краю уступа он сложил трубку, кiset с табаком, палочки для разжигания костра, мешочек с пеммиканом, которого он теперь не должен касаться четыре дня и четыре ночи. Принес несколько охапок травы и, расстелив на камне, устроил себе ложе. Вынул нож, нож с железным лезвием, добытый у бледнокожего торговца за большой рекой в далекие дни, нож, который рассек ему в младенчестве уши, и храбрый смех его отца и нежный голос матери еще свежи в ушах, которым предстояло тогда быть рассеченными; нож с ним теперь в знак того, что старик — рядом. Медвежонок положил нож на плоский камень, острием на восток, в ту сторону, где расступаются холмы, лег на расстеленные травы, лицом туда, куда указывал нож. Лежал и лежал, и бежали часы.

Солнце опустилось за гигантскую яйцевидную громаду горы. Над холмами пополз сумрак. Медвежонок поднялся, развел костерок. Поставив одну из палочек так, чтобы концом упиралась в выемку, сделанную в плоской деревяшке, крутил ее между ладонями до тех пор, покуда у края выемки, в толченом бизоньем кизяке, не засверкали искры, а раздув огонь, подсовывал в него веточки, пока не разгорится. Он набил трубку и закурил. Это разрешалось три раза в день: когда солнце встает, когда солнце стоит прямо над головой и когда оно опускается на западе за горизонт. Но есть нельзя. И нельзя пить из потока.

Он лежал на расстеленных травах. Костерок догорел и потух. Пала тьма. Страшно. Время от времени в расщелинах далеких утесов стонали ночные ветры, и Майюны гор переговаривались меж собой, но он не понимал тех голосов. Дрожал от ночного холода и от страха. Завыл волк, и другой отозвался ему, и еще один, и их вой волнами прокатился по лощинам. И волк завыл глуше, и не было ему ответа. Медвежонок прислушался, и с ночными ветрами до него донесся — он это слышал и не слышал и все-таки слышал — старческий голос, словно эхо, звучавший из тщедушной груди: «Мой друг, все хорошо. Я здесь!»

Ночью он не видел снов. Спал, просыпался и снова крепко засыпал, утомленный долгой дорогой, которую проделал пешком. На следующий день — второй — он лежал на травах, и солнце лило свое тепло, и голод грыз нутро, словно суслик. И бежали часы.

В эту ночь — вторую — явились сны. Он падал в черноту, в ушах свистело. Вскрикнув, он проснулся, дрожа от ночного холода, однако от страха, вызванного падением, прошибал пот. Всколыхнулся ветерок, пробежал по его лицу и смахнул капли пота. Словно рука, старческая, морщинистая, успокаивающая. Он заснул, и снова явились сны. Он стоит в незнакомом месте; куда ни посмотри, вокруг крутые скалы. Он двинулся вперед, прошел сквозь скалу и зашагал по ровной земле, и перед ним было прекрасное жилище из умело сшитых шкур, и он знал, что это его жилище, а у входа стояла женщина и, кивая головой, подзывала его. Он пошел к ней, и она исчезла вместе с жилищем. Подступила глубокая печаль, он повалился на землю и стал бить по ней руками, и проснулся, содрогаясь в ночном тумане. Он лежал ничком, не на подстилке из трав, а на твердом ровном камне, и руки болели от ударов. Он встал и подул на руки, чтобы облегчить боль. Снова улегся на подстилку из трав, головой на восток, где расступаются холмы. Наконец голова освободилась от всех мыслей. Словно дым, вышли из своих жилищ в далеких утесах Майюны и обступили его. И превратились в бизонов,

и на их рогах блестел свет звезд, и глаза их сверкали.

— Это тот человек, — спросил один, — что не желает быть как другие?

И второй промолвил:

— Он уверен, что смиренно принимает свое обличье, но в таком смирении много гордыни.

И еще один сказал:

— Не напустить ли нам на него болезнь, от которой он зачахнет?

И еще один произнес:

— Пусть проживет все назначенные ему дни. Это может оказаться тяжелее, чем зачахнуть.

Утром — это был третий день — солнце с трудом пробилось сквозь упорно державшийся туман. Одежда Медвежонок отсырела. Табак из кисета не раскуривался. На земле рядом с уступом он увидел много раздвоенных бизоньих следов — это было странно, потому что Майюны невесомы и не оставляют на земле отпечатков. Он лежал на подстилке из трав, солнце победило туман и высушило его одежду, и мучительный голод сводил его нутро. Когда солнце стояло прямо над головой, табак из кисета все еще не раскуривался, но голод утих, замер внутри, и Медвежонок ощущал странную легкость и головокружение, словно взобрался на огромную высоту. Тело пребывало тут, на уступе, но дух свободно блуждал, являлись мысли о снах, ибо известно: что человек увидит во сне, когда, голодая, совершает жертву, это должно непременно исполниться.

Солнце клонилось к яйцевидной горе, воздух пропитали незримые предвестья. В сумерках тишина придавила холмы. Дух возвратился в тело. Медвежонок встал и развел костерок, и было это нелегко, ведь с трудом удавалось удержать в теле дух, руководивший движениями. Табак высох и хорошо курился, но дым драл иссохшее горло, и голова кружилась. Он отложил трубку, скорчился над огнем, и тишина распалась; с разных сторон примчались ветры, смешались и взревели в вышине. Заметались молнии, огненные шары заплясали вдали. Он ниже склонился над огнем и ждал дождя, но дождь не пролился. Только молнии метались окрест, да ревел ветер. Рядом глухо завыл волк, и другие ему не ответили. Медвежонок прислушался и распознал голос кричавшего ему. «Ступай следом. Ступай следом», — твердил он. Медвежонок поднялся и стоял покачиваясь. Заметались молнии, и показался волк: стелясь по земле, тот мчал в темноту, и огненный шар сидел на хвосте. Не размышляя, Медвежонок собрал вещи, покорно пошел туда, куда вел его волк.

Путь был тяжел. Мышцы ослабели, и Медвежонок часто падал, но продолжал ковылять на своих коротких ногах. Огненный шар неизменно указывал путь, вел его вдоль потока вверх по течению, вел все дальше и уперся в каменную кручу, неровными уступами уходившую ввысь. Медвежонок не знал, куда свернуть, но тут огненный шар показался на той стороне потока. Прошлепав по мелкой бурлящей воде, человек последовал за волком. Теперь земля, покрытая пучками низкой травы, стала ровнее, двигаться стало легче. Ветры немного улеглись, молнии прекратились. Голова невесомо держалась на плечах, зато ноги совсем отяжелели. Он вышел на широкое плато и остановился.

Ветра стихли до шелеста, стояла кромешная тьма. Вдали он заметил в траве какое-то мерцание и заковылял туда, однако оно померкло, и он пытался отыскать то мерцание, и вынесенная вперед левая нога ощутила под собой только воздух. Медвежонок упал. Повинуясь инстинкту, тело извернулось, пальцы уцепились за что-то. Разум кружил наводящими дурноту кругами. Медвежонок дрыгал ногами, стараясь перекинуть их через край обрыва и вскарабкаться назад. Но слабость, вызванная голоданием, одолевала. Он болтался в глубокой тьме. И тело его обмякло. Пальцы заскользили, сначала медленно, потом

быстрее, он сорвался, пятнадцатью футами ниже ударился левым бедром о какой-то выступ, от удара потерял сознание, тело отбросило вбок, он безмолвно летел и врезался в густую крону сосны. Тяжестью падающего тела сломало верхние ветки и пробило нижние, но движение замедлилось, и толстый ковер опавшей хвои приглушил шум последнего столкновения.

II

Ветры, шепчущие в травах, — это голоса духов, что живут в земле и обращены к душе, которой ведомо о существовании таких духов. Дух друга может преодолеть многие мили и незримо пребудет с человеком, который верит в друга и в силу дружбы. Порывы ветров, полыхание молний, зверь, привидевшийся во тьме во время вспышки зарницы, — все это знаки человеку, который готов их читать и слился с силами природы...

Они-то и привели Медвежонка к его каньону.

И вот он здесь. Груда раздробленных костей и плоти на толстом ковре опавшей хвои, под сосной на дне каньона, за дальними холмами, что и не холмы вовсе, а горы, у южного края пограничного плоскогорья. Искра человеческой жизни в обнесенном скалами, узком, диком, ничейном месте.

Шел дождь. Холодные капли собирались на ветках сосны и скатывались вниз; они вернули сознание в растерзанное тело. Медвежонок пошевелился, и боль, накатив волной, пронзила тело, он вновь потерял сознание. Дождь перестал. Над плато разлилась заря, проникла и в каньон. Встало солнце. Понемногу, еле-еле сознание возвращалось. Он лежит, распластавшись на спине. Одежда изодрана. На теле во многих местах запеклась кровь. Правая нога, придавленная его собственным телом, неуклюже подогнута — сломана у щиколотки. Дышать трудно, с каждым вдохом боль в груди подступает, потом отступает и подступает вновь.

Долго, не отрываясь, смотрел он на ветки сосны. А когда зашевелился, солнце стояло почти над головой. Ужасная боль прорезала все его тело, но жить — значит двигаться, и он начал двигаться. Чуть приподнялся и огляделся. Не помня, что произошло. Не помня, что он — Медвежонок, приемный сын Сильнойлевой Руки, и пришел в горы для жертвы — голодать. Теперь он простейшее существо, ищет лишь малости, чтобы выжить. Глаза обнаружили мешочек с пеммиканом, оброненный, когда сам он сорвался с обрыва. Совсем неподалеку. Медвежонок подполз к нему, так вот, лежа, попытался поесть, но во рту пересохло, ничего не проглотить.

Он сел и вновь осмотрелся. С такой высоты видно дальше. В двухстах футах он увидел родник. Снова перекатился на живот, зажав в зубах верхний край мешочка, стал подтягиваться на руках, помогая левой ногой. Извиваясь как червяк, приполз к роднику. Свесил голову и с жадностью набросился на воду, но все равно не мог глотать. Тогда набрал в рот воды, приподнял голову, и топкая струйка просочилась в горло, иссохшие мышцы увлажнились, и воду удалось проглотить, делая в раз по небольшому глотку. Он нагнул голову и стал пить, но вода потекла внутрь чересчур сильно, его вырвало, и он отпрянул от потока. Опустил руку в мешочек с пеммиканом, вновь попытался поесть. Челюсти саднили, он жевал с трудом. Но провяленное мясо, нарубленное мелкими кусочками, не надо и жевать. Он набил рот и, судорожно глотнув, пропихнул мясо. Потянулся было, чтобы достать еще, и в этот миг вновь тьма — беспомощство...

В желудке вода, немного пищи. Пришла в действие химия жизни...

Дневной свет померк в каньоне. Все объял сгустившийся мрак. Из-за холмов бесшумно встала луна и посеребрила плато, поднялась выше — и бледный свет скользнул вниз по дальней стене каньона, медленно пополз по его ложу. Нежное мерцание коснулось распростертой у потока безжизненной фигуры и, перебравшись через нее, заскользило дальше. Беспмятство сменилось сном, сон — пробуждением. Глаза устремили взгляд вверх, на проплывавшую луну.

Теперь он знает, кто он. Медвежонок, приемный сын Сильнойлевой Руки. Он лежит на земле, в изголовье нежно журчит ручей. Взаправду сорвался. Много ушибов. Правая нога сломана.

Он не знает, где он. Но луна все та же, что вызвала его на равнину за деревней слушать разговор Майюнов.

Мышцы одеревенели. Двигаться — значит накликасть боль. Но он снова был мужчиной и мог сжать зубы и бороться с этой болью. Он попил из ручья. Поел пеммикана, что оставался в мешочке, но немного — мешочек невелик и уже почти пуст. Ползком добрался до ручья и, опираясь о большой камень, поднялся на левой ноге. Опять огляделся. Повсюду, со всех сторон, он наконец увидел вздымавшиеся вверх каменистые кручи, одни — рядом, другие — подалее, одни — в лунном серебре, другие погружены в тень, но все каменисты, все отвесны. И странно было ему и не странно. Луна плыла в вышине, и ее нежный свет скользил дальше по дну каньона, звал, указывал путь, тускло блестя на полоске железа у кромки темного островка под сосной с изломанными ветвями. Медвежонок, подтягиваясь, пополз туда, протянул руку и взял нож — и было это хорошо. Обрыскал взглядом землю вокруг и нашел одну из палочек для получения огня — острозаточенную, из твердого сального дерева. — А вторую найти не смог. Стал собирать сучки и ветки, сгребал, толкая их перед собой в кучу. Он ползал, извиваясь, и куча хвороста росла. От работы боль в мышцах немного утихла, перешла в ломоту, которую можно бы снести, но боль в правой ноге терзала со всевозрастающей силой. Он боролся с этой болью и собирал сучья. Боролся, и был побежден, и, едва дыша, перекатился на спину, дернулся и замер...

Солнце вышло над краем холмов, лучи заскользили вниз по стене каньона. Медвежонок встал на колени у кучи сучьев. Вся его тяжесть приходилась на левое колено, правое же едва касалось земли, лишь помогая держать равновесие. Он стал быстро вертеть меж ладонями палочку из сального дерева, уперев ее острием в выемке на плоском оструганном куске из более мягкого тополя, и крошечная струйка дыма поднялась рядом с выемкой, над бурым сухим порошком из сосновых игл. Стал вертеть быстрее, и струйка дыма сделалась побольше. Он бросил остроконечную палочку, наклонился над порошком и тихонько подул. Порошок покраснел, и он, осторожно положив сверху несколько тоненьких сучков, снова подул, прикрывая руками искорки. Так он раздул костерок и подбросил сучьев покрупнее. Костер весело горел, только успевай подбрасывать в него сучья из кучи хвороста.

Столб дыма поднялся прямо вверх, всплыл над каньоном. Когда над плато пробежали дневные ветерки, он клонился в сторону, вновь выпрямляясь, как стихнет ветер. Стройным плюмажем поднимался в небо этот сигнал.

Медвежонок лежал и ждал. Не шевелился; боль в правой ноге притупилась и не пронзала его при каждом ударе сердца. Костер прогорел, и он опять подкинул в него сучьев. Хвороста он не жалел.

Все утро, до полудня, лежал он и ждал. Никто не пришел. Медвежонок попил из ручья и поел пеммикана, дважды наполнив рот. Неподалеку от ручья обнаружил ростки лакрицы, срезал их и съел. В небо поднимался стройный столб дыма. Он ждал весь день, до самого вечера. Дым стал уже не так заметен, потом растворился во тьме. Он лежал неподвижно и ждал, и никто не пришел...

Никто и не мог прийти.

В его родной деревне никто не знал, что он ушел голодать в высокие горы. Губы его печатью сомкнуло безмолвие, чтобы избежать дурных предзнаменований. И поступил он не так, как другие юноши. Совершая жертву, те уходили на гребень холмистой равнины, чтобы быть не дальше чем за полдня пути и всегда видеть дым костров своей деревни. Никто не знал, что Медвежонок ушел много дальше, в высокие горы, а там — далеко вглубь, туда, где Майюны могущественнее и сны проникновенней. И никакой опытный старец не сопровождал его, чтобы выбрать надлежащее место и потом вернуться за ним в конце назначенного срока. С ним пошел лишь дух старца, великого, дух Стоящего Всю Ночь, чьи древние кости и все еще державшиеся на них остатки плоти находились там, далеко на востоке, где о его последней немочи, сопровождаемой кашлем, печаловала правнучка.

Никто и не мог прийти. Ни один охотничий отряд из любого племени не ходил по следу бизонов даже по отрогам холмов, а лишь на открытой равнине, где гнались за самыми большими стадами, совершавшими переходы в конце весны. Только осенью возвратятся в горы их отряды: нарубить шестов для вигвамов и набрать кремней для наконечников стрел, да и то не пойдут далеко вглубь.

Луна шла на убыль, навстречу своей смерти и возрождению. В ее нежном мерцании Медвежонок занялся распухшей правой ногой. Он сжал скрюченные мышцы, и боль резанула так, что он понял — нужно хорошо подготовиться, а уж потом предпринимать задуманное. В куче оставшегося хвороста отобрал, а затем остругал пять коротких веток, каждая толщиной в палец. Срезал остаток кожного чулка на правой ноге, из этих лохмотьев накроил тонких полосок. Положил в рот кусочек кожи, крепко сжал зубами. Обхватил правую ногу, одной рукой — ниже перелома, другой — выше. Перелом чистый, но края кости сместились. Он тянул в разные стороны и впивался зубами в кусочек кожи, что лежал у него во рту. И услышал, как края кости заскрежетали, цепляясь друг за друга, и сошлись; от боли в голове взвыл бессловесный рой звуков, нога от колена до щиколотки стала прямая. Поспешая управиться дотемна, он быстро привязал к ноге кожаными полосками пять палочек, туго затянул узлы. В голове волнами прокатывалась боль, каждая волна выше предыдущей, и одна поднялась неодолимо, он упал и замер...

Все утро присматривал Медвежонок, приемный сын Сильнойлевой Руки, за новым своим костром. Надеялся, но уж не ждал. Опираясь на толстую палку, то стоял, то прыгал на левой ноге. Когда находил что-то нужное, опускался на землю и доставал нож. Нарезал много лакрицы, нарыл клубней, похожих на белый картофель, — клубни еще совсем молодые, мелкие и страшно твердые, но они питательны; обнаружил несколько кустов крыжовника, в мелких зеленых ягодках. Всю свою добычу сложил у ручья, рядом с остатками пеммикана.

Больше он ничего не мог делать: нога все распухала и давила на палочки и кожаные ремешки, боль нестерпимо отдавалась в мозгу. Разорванные краями кости ткани воспалились и распирали кожу, надувая ее дурной жидкостью. Он забыл про костер, тот прогорел и потух. Он повалился наземь. Стал кататься по земле, цепляясь за пучки травы. И затих, уставясь в небо. Сознание то оставляло его, то возвращалось, и часы проносились над ним...

Густые тени овладели каньоном. Вечерние ветерки забродили на плато, тихо вздыхая в вышине. Медвежонок лежал неподвижно, боль в ноге стучала в лад ударам сердца, и жар горел в крови. Где-то в горах завыл волк, глухо, скорбно, протяжно, безответно. Не было слышно ни звука. Снова завыл волк, вой его стоном разнесся на кромке ветров и затих вдали. Больше ничего не слышно, только тихие вздохи ветров в пустынном небе.

Тьма залила каньон. Медвежонок лежал неподвижно. От боли мозг с тупым остервенением бился о кости черепа. Гвоздило, словно дубинкой. Все глубже и глубже погружался он во тьму.

Над плато заходили ночные ветерки; не спускаясь по обрыву, рассылали в трещины пронырливые сквознячки, которые гулко пересмеивались между собой. И Майюны утесов каньона выплыли, как туман, оттуда, где хоронились, и стали искать его, и обратились в кроликов, и отыскивали его. Скакали и хохотали, насмехаясь над ним, заливаясь странным, бередящим смехом, что ужаснее любого другого звука. Длинные уши торчком. Смех звенит в ночи:

— Поглядите-ка, он борется с воспалением, которое внутри, ему страшно. — Их уши вытянулись, словно столбы восходящего дыма, смех звенит. — Воспаление не только в ноге, страхом воспалена его душа.

Боль мерно надвигалась, Майюны смеялись, и в самой глубине его существа, где таилась жизнь, нарастал гнев, который накатило и заполнил его целиком. Оглушительный крик прорвался наружу:

— У меня во рту — смех моего храброго отца. Я плюю его вам в лицо!

Майюны запрыгали, растворились в тумане, а он сидел и сжимал нож, тот нож, что рассек ему уши и не был чужим для его плоти, тот нож, что знал руку Стоящего Всю Ночь; Медвежонок размахнулся и вонзил лезвие в распухшую ногу. Невыносимая боль промчалась по телу, словно вопль, он быстро повернул нож, расширяя надрез, вытащил нож, и дурная жидкость, густая и зловонная, ударила фонтаном. Он на руках дополз до ручья. Растянулся на берегу, опустил правую ногу в поток, и прохладная, быстрая вода сомкнулась над ней...

Вода, наследие зимних снегов на вершинах, сбегала с высоких холмов маленькими ручейками. Крошечные струйки соединялись и стекали вниз, встречая за время долгого спуска много других. Вода, прозрачная и холодная, без конца освежалась чистым воздухом, играя и бурля у порогов, бурно вскипая вокруг камней. Она бежала вниз и выходила на равнину. Здесь вода замедляла бег, текла лениво меж влажных своих берегов, сооружая, перестраивая и постоянно перекраивая крошечные песчаные отмели с волнистым, точно покрытым рябью, дном, и спокойно переливалась через край обрыва, собираясь внизу в небольшое озерцо. Вытекая из озерца, она бежала по ложу каньона, мягко извиваясь, и исчезала в расщелине, в нижнем, более широком конце. Свежая, прозрачная, холодная вода омывала правую ногу Медвежонок и бежала дальше, унося с собой недомогание плоти.

Три дня пробыл Медвежонок на том месте у ручья. Он очень ослаб. Пил прозрачную воду. Ел пищу из заготовленной им маленькой кучки. Много спал. Он часто погружал правую ногу в холодную свежесть ручья и увидел, что она начала заживать. Обследовав все пространство каньона, со всех сторон, он увидел, что повсюду поднимались отвесные утесы.

Рано утром, в первый же из этих дней, он увидел бизонов; лохматые, горбатые фигуры посреди невысокого кустарника и куп деревьев, в нижнем, более широком конце каньона, где росли самые лучшие травы. Сосчитал. Один старый бык и один молодой, пять коров, четыре теленка — всего одиннадцать. Когда Он их увидел, сердце его запрыгало, исполнившись надежды. Как только он наберется сил, он пойдет по их следу, и они покажут, как выбраться из каньона. Но к вечеру третьего дня им овладело беспокойство. Бизоны всегда оставались тут, все в том же числе, все те же бизоны. Они бродили в нижнем конце каньона. Забредали порой и вверх по течению, неподалеку от того места, где расположился Медвежонок, и, когда он кричал и махал руками, фыркали и удалялись. Но они всегда оставались тут.

Утром четвертого дня он снял повязку с правой ноги, переставил палочки и снова перевязал. Взял остальные тонкие кожаные ремешки, сплел из них тоненькую веревочку. На одном конце сделал небольшую петлю и надел на щиколотку правой ноги, на другом — большую петлю, ее набросил на грудь, справа под мышку и на левое плечо. Когда он, опираясь на толстую папку, встал во весь рост, веревка поддерживала ногу, не давая коснуться земли. Он крепко

сжимал палку обеими руками, выбрасывал ее вперед и, навалившись на нее всей тяжестью, прыгал на левой ноге. На берегу оставались странные следы: след мокалина, потом маленькая круглая ямка в мягкой земле, вновь след мокалина и опять маленькая круглая ямка. Теперь он не тащился низко над землей. Ступал прямо, как и подобает мужчине.

Он пошел напрямик до ближнего каменистого обрыва и пошел вдоль него в обход по каньону. Это заняло целый день. Он двигался медленно и часто отдыхал; сосал корни, которые захватил с собой. Бизоны смотрели на него долгим взглядом. Наблюдали за ним, и вновь щипали траву, и держались на расстоянии. Они не боялись, не приходили в ярость — просто проявляли осторожность в отношении новой, незнакомой им жизни.

Он вышел к расщелине, где исчезал ручей. Расщелина была мала, и поток заполнял ее почти целиком. Ступая по воде, человек мог протиснуться в нее всего на несколько футов — дальше камень стиснет его.

Он вышел к озерцу и водопаду в верхнем конце каньона. Вода падала отвесно с высокого уступа скалы. В воздухе стояло облачко брызг, в котором плавали радуги. Очень красиво. Но камень — и рядом с водопадом, и за ним — был гладок и вздымался отвесно, как и другие стены каньона.

Он совершил полный круг. Нигде не нашел он тропы, ведущей наверх, на высокогорное плато. Нигде не было места, где мужчина — даже мужчина на двух крепких ногах — мог вскарабкаться на край высокого обрыва. Выхода не было.

Медвежонок сидел на стесанном сверху валуне у озерца и водопада. С этого возвышения ему открывался весь каньон. Правая нога чесалась, и то, что она чесалась, было хорошо. Значит, нога быстро заживала. На нем была лишь набедренная повязка, торс обхватывал пояс мужества, на котором крепилась набедренная повязка. Летнее солнце согревало тело. У него была пища. Крыжовник отошел, а ростки лакрицы были больше непригодны в пищу, потому что уже распустились листья. Но белые клубни стали крупнее, мягче и вкуснее прежнего. И была уйма чертополоха, чьи остроконечные стебли, когда снимешь с них покрытую шипами кожицу, сладки и нежны. Всего этого было вдосталь. И он ловил в ручье рыбу, как ее ловят мальчишки: натывав полукрутом вниз по течению палок в придонный ил от одного берега до другого так близко, чтоб между ними не могла пройти ни одна рыба, гонишь рыбу вниз к полукругу и быстро выхватываешь ее рукой, покуда не уйдет она, ускользнув от тебя вверх по течению. Был даже чай, приготовленный из листьев оленьей мяты, который он кипятил в мешочке, где прежде держал пеммикан. Всего хватало, а однажды он даже поймал в силки кролика, и все же настоящая сила не возвращалась в мышцы.

Сила не желала возвращаться, потому что у него не было настоящей мужской пищи. Сильного мяса. Ему не хватало силы, накопленной могучим животным, которая внутри него обратилась бы в его собственную. А тут рядом, запертое с ним в одном каньоне, разгуливало такое мясо — щипало траву, с любопытством наблюдало за ним и было недосыгаемо.

Он смотрел, как разгуливает это мясо, старый бык, молодой бык, пять коров и четыре подрастающих теленка. Видел могучие ноги, которые могут обогнать любого человека, как бы ни были длинны его ноги. Видел мощь, которая, разъярившись, может поднять человека словно былинку и растоптать на земле, превратив в красное месиво. Видел острые рога, которые могут пронзить человека наподобие пики и, поддев, отбросить, уже безжизненного, на двадцать футов.

Он собрал всю кожу, какая оставалась от кожаных чулок с широкими отворотами по бокам, колыхавшимися при ходьбе, и от изодранной в клочья рубахи, доходившей до середины бедра, со свободно болтавшимся большим вторым покровом на спине. Разрезал всю кожу на тонкие полоски. Если эти полоски связать и сплести, получится хорошая веревка, вся в узлах,

но крепкая.

Целый день провозился он с веревкой. Последние полоски приберег для другой цели. Ими он прикрутил черенок ножа к толстой палке, с которой ходил, туго-натуго затянул ремешки, а чтобы не скользили, скрепил их многочисленными узлами. К тому времени, как сгустились сумерки, у него была готова сплетенная в три толщины веревка около сорока футов длиной и копье с наконечником. Оно было выше его самого и заканчивалось железным острием.

Утром он пошел вниз по течению. Он прыгал, опираясь на копье, и веревка была обмотана у него вокруг тела. Дойдя до середины каньона, он остановился. Он узнал место. Много дней наблюдал он за бизонами, сидя на валуне, и постиг их привычки. Они спали в нижнем конце каньона у каменистого обрыва. В утренние часы паслись, медленно передвигаясь вверх по открытому ложу каньона. Около полудня сходились у потока на водопой и заходили в воду, где, окруженное кустами, лежало озерцо, достаточно глубокое, чтобы они могли доболтаться и освежиться в воде. Через кусты вела протоптанная ими тропинка. Другая вновь выходила на луг выше по течению. Покончив со своими делами на озерце, они отправлялись по этой второй тропинке. Там, где она выбегала на открытое место, густые кусты образовали свод, напоминая выход из туннеля. Рядом стояло большое дерево.

Здесь и остановился Медвежонок. На одном конце веревки он сделал крошечную петлю и пропустил через нее другой конец. Получилась затяжная петля. Он старательно приладил петлю под сводом кустов так, чтобы она обрамляла вход. Старательно пристроил веревку так, чтобы листва скрывала ее сверху и с боков, и присыпал пылью там, где она по земле пересекала тропинку. Старательно отвел через кусты свободный конец и обвязал вокруг дерева у самого основания. Старательно улегся за деревом, чуть сбоку, чтобы видеть, что происходит. Со стороны тропинки его скрывали кусты. Ему был виден выход из тоннеля и на несколько футов вглубь, но этого достаточно. Он лежал неподвижно, а рядом с ним — копье с острым железным наконечником.

Он набрался терпения. Он ждал. Миновало утро, и солнце уже стояло высоко над головой. Он услышал, как бизоны прошествовали к воде. Услышал, как ступили на ту тропинку, сначала один, потом другой, потом остальные. Услышал, как плескались в воде. Он ждал -и услышал, как они выбрались на вторую тропинку. Вперед пойдет старый бык, затем — молодой, затем — четыре коровы с телятами. Из-за плотно подступавших кустов они будут идти цепочкой, пройдут прямо через петлю. Последней, подтягиваясь за остальными, будет идти корова, у которой нет теленка. Он дождет ее.

Они остановились. Вся цепочка, один за другим, замерла в неподвижности. Ему было не видно их сквозь кусты и не слышно ни звука. Он ждал. Он не слышал, но ощущал движение. Вот в просвете под сводом кустов показалась голова и грудь старого быка. Он увидел массивную голову с широким носом, длинную плеть волос, свисавших с подбородка наподобие бороды и переходивших сзади в темную гриву, маленькие глазки, острые рога, короткую толстую шею, которую едва ли можно вообще назвать шеей, и основание могучих сгорбленных лопаток. Бык стоял неподвижно, обозревая открывшийся перед ним луг. Он чувствовал запах человека там, где раньше не было запаха человека, и беспокоился. Это не означало опасности, присутствия врага, от которого надо бежать или с которым надо бороться, — еще не означало, но он был осторожен и не желал идти вперед. Бык отступил на шаг. Еще один — и он выйдет из петли. Однажды свернув с дороги, он уже никогда не поведет по ней свое крошечное стадо.

Медвежонок не смел ждать дольше. Быстро высунул из-за дерева руку, схватил веревку и потянул ее вверх и назад, петля вымахнула из кустов, взвилась с земли и свободным кольцом легла на массивную голову позади рогов и прошла под подбородком. Старый бык рванул, сокрушая кусты, повернул кругом и бросился назад; веревка натянулась и, скользая, стиснула короткую шею; Медвежонок схватил копье и откатился по земле подальше от

дерева, не обращая внимания на раздиравшие тело кусты. Он слышал, как с грохотом промчались сквозь заросли остальные бизоны, громко прошлепали по воде и понеслись напролом в дальний конец каньона. Он перестал кататься по земле, быстро поднялся и встал на левую ногу, опираясь на палку, которая была его копьем.

Старый бык втоптал кусты за деревом в землю. Он рвался, и веревка все туже сжимала его толстую шею. Он скакал и бросался из стороны в сторону, и с каждым прыжком, с каждым броском веревка глубже врезалась под жесткие волосы гривы и туже затягивалась, сдавливая ему горло. Он глубоко взрыл копытами землю, и его рев был ужасен. Веревка напряглась, как натянутая тетива лука; петля глубоко вгрызлась ему в шею. Рев прекратился, из глотки бизона вырывались хриплые, булькающие звуки. Налитые кровью маленькие глазки с красными веками потускнели. Бык повалился на колени и, как бы споткнувшись, рухнул вперед, наземь. Тяжесть переместилась вперед, петля расслабилась, громадные ребра приподнялись, и дыхание со свистом ворвалось в ноздри. Качаясь, бык встал на ноги и стоял, поводя головой, хриплое дыхание вырывалось из его легких. Глаза прояснились, бык попятился, встав на дыбы, и стал сопротивляться — опять скакал и бросался из стороны в сторону, и петля опять глубоко врезалась в шею.

Медвежонок наблюдал. Его охватил страх. Не тот, что иногда нападает на охотника, заставляя его повернуть от преследуемого им зверя. Он испугался, что веревка не выдержит этой нескончаемой схватки. Опираясь на копьё, он прыжками обошел вокруг быка, пока не очутился сзади. Подождал, покуда бык вновь не встал, мотая головой, дыхание со свистом пробивалось через слегка ослабленную петлю. Быстрыми прыжками Медвежонок двинулся вперед, чуть забирая вбок. Когда он приблизился, всей тяжестью налегая на левую ногу, и его еще несло вперед, он, передвинув руки по древку, занес нацеленное вперед копьё, крепко сжал и вонзил бизону в бок прямо за огромной лопаткой, тяжело навалившись на копьё всем своим весом. Бык попятился одним могучим сокрушительным движением, веревка лопнула, и Медвежонок, который вцепился в копьё, подбросило в воздух, он не удержал копьё, упал и покотился по земле. Мысль о твердых копытах и острых рогах горела в его мозгу.

Копыта не топтали его. Рога не пронзали тела. Приподнявшись, он сел и огляделся. Старый бизон лежал на земле, кровавая пена пузырями стекала из его ноздрей. Медвежонок вонзил копьё так, как и подобает хорошему охотнику, — глубоко и твердо. Когда веревка внезапно оборвалась, бык попятился, встав на дыбы, повалился назад и на бок, копьё концом уперлось в землю, и бык собственной тяжестью глубже вогнал разящее острие.

Костер горел весело и ярко. Высоко во тьму бросал он свет пляшущими счастливыми языками. Туша бизона черным пятном горбатилась на земле. Медвежонок сидел между тушей и костром и глядел на вздымавшееся пламя. Он был очень сыт. Правая нога побаливала от напряжения, но короткие палочки, привязанные к ней, выдержали; он был очень сыт. Живот раздулся, наполненный сильной мужской пищей. С наслаждением отведал Медвежонок самых лучших лакомств: языка и носа бизона. А теперь сидел, освещенный костром, голова его качалась в полудреме, и костер, с удовольствием пожирая старое сухое дерево, радостно посылал свой свет ввысь.

Над плато заходили ночные ветерки. Они разослали по трещинам вдоль края обрыва пронырливые сквознячки, которые гулко пересмеивались между собой. И Майюны утесов каньона выплыли как туман. Они ни во что не обратились, аплыли над костром и смеялись. Они заполнили собой весь воздух, что был вверху, и смеялись, но они не смеялись над ним. Их смех был тих и приятен на слух.

— Вот он, — говорили они, — тот, что убил могучего бизона. На одной ноге костяной и на одной деревянной боролся он. Хитростью своего ума и храбростью своего сердца сразил он предводителя стада. — Они взлетели выше и умчались вниз по каньону, и назад донеслось эхо их смеха, слабое, замирающее. — Маленький брат. Живи хорошо. Живи долго...

Туша взрослого бизона — мясо, кости, шкура, внутренности — тянет почти на две тысячи фунтов. Сейчас, когда она лежит на земле и сила и способность к движению покинули ее, она кажется не такой массивной. Все чувства оцепенели. Сложнейшая работа живого организма прекратилась. Поспешая за известием о смерти, в каком-то из некогда живых органов уже начался еле уловимый распад. Человек может пнуть ее, разрубить ее, взобраться на нее, может делать с ней все, что захочет, но она не сможет дать ему отпор. Только гряда мертвечины лежит на земле, из которой когда-то вышло все, что на ней есть.

Нет. Это жизнь и образ жизни.

Это пища. Если человек умеет обработать и приготовить ее, в пищу годится любая часть, кроме костей и копыт, и даже они, если в тяжелую зиму, полную лишений, раздробить и сварить их, дадут жир, который поможет продержаться. Очень вкусна кровь, если варить ее, пока она не превратится в густое желе. Тонким ароматом веет от подсушенных жареных легких. Хороша печень, особенно если сбрызнуть ее желчью. Из тонких кишок, набитых рубленным мясом, получается чудесная колбаса, которую можно варить или жарить. Проваренная как следует, с применением надлежащей зелени шкура нежна и вкусна. Великолепны мясо и жир в свежем виде. Разрезанное полосками, копченое или провяленное мясо может долго храниться.

Все животное целиком — пища.

Ото и одежда. Из чисто обработанной шкуры, выдубленной смесью из мозгов, печени, костного мозга и сизой юкки, которую легко найти, получается прекрасная кожа, прочная, не знающая сносу. Ее можно оставить толстой — для теплых покрывал и мокасин, которые носятся долго, можно, поскоблив, сделать тонкой и гибкой — для набедренных повязок и обмоток для ног и охотничьих рубах; чтобы зимой было теплее, можно оставить мех и вывернуть его внутрь.

Это и жилище. Из дубленой шкуры, натянутой на шесты, получается жилье, пригодное для любой погоды. Она не пропускает воды. Не пропускает ветра. И дождь, и ветер, и солнце отскакивают от нее. Летом, когда край шкуры, которой занавешен вход, откинут и воздух свободно попадает в жилище, поднимается вверх и выходит через отверстие для дыма в самом верху, в вигваме прохладно. Зимой, когда кусок шкуры у входа опущен и пылает костер, идущие по округности наклонные стены сохраняют тепло.

Это сразу много вещей. Из волоса гривы и головы можно сплести очень прочную веревку. Из огромных сухожилий, протянувшихся по обе стороны спинного хребта, если их высушить и разделить на несколько прядей, получают отличные нитки для шитья. Из мочевого пузыря и сердечной сумки можно сделать мехи для воды. Из крепкой подкладки, выстилающей брюхо, — чаши, горшки и котлы. Из разных по форме костей — изготовить ножи, орудия для выкапывания корней и клубней, скребки и шила для протыкания дыр во время шитья. Из рогов, которые можно распарить до того, что они станут мягкими и будут гнуться, получишь, придав им необходимую форму и затем высушив, ложки и черпаки. Оставив крошечное отверстие для воздуха в выдолбленном роге, можно переносить с места на место огонь и с помощью тлеющей гнилушки сохранять его в течение многих часов и даже дней. Из склеенных вместе и стянутых затем сухожилиями ровных кусков рога получается крепкий лук. Большое сухожилие, что проходит под лопаткой, — это тетива, которую не под силу разорвать даже самой сильной руке. В самой лопатке имеется естественное отверстие — с ее помощью можно размягчать свежесудубленные кожи. Протащишь шкуру бесчисленное

число раз сквозь это отверстие — туда и обратно, — край отверстия обломает жесткость шкуры, и она станет мягкой и гладкой. Из звонкой, сыромятной кожи можно изготовить барабаны, лучше всего брать для этого шкуру с шеи, где она толще всего, можно насыпать в кожаные мешочки камней — получатся погремушки, а из костей, содержащих мозг, — флейты.

Туша означает все эти вещи и много чего еще. В ней — основа образа жизни человека, племени, народа.

Вот чем владел Медвежонок.

Он сидит с тушей старого бизона в своем каньоне на пограничной возвышенности. Нога его подживает. Пищи вдоволь. Есть из чего сшить себе одежду, построить жилище, сделать орудия, изготовить оружие. В запасе у него много долгих часов, чтобы работать, и размышлять, и мечтать, пока над холмами плывут дни и ночи лета...

Над каньоном стояло извечное солнце, отгоняя предвестия осени. Оно согревало прямые темные волосы Медвежонок, который сидел на земле, скрестив ноги, и мастерил себе лук из кусков рога. Он скрепил их теплым, похожим на желе клеем, сваренным из мелко настрганной кожи; клей остынет, возьмется и затвердеет. Он оплел лук плетями сухожилий, долго вымачивавшихся и еще влажных; сухожилия высохнут и затянутся еще туже. Этот лук будет лучше можжевельового, что лежит рядом с ним. Он кончил и положил новый лук на землю сохнуть.

Медвежонок встал и потянулся. Правая нога зажила. Вокруг кости, там, где был перелом, образовался небольшой бугорок, который прощупывался пальцами через мякоть тканей. Но нога хорошо выдерживала тяжесть; мышцы, долго стянутые шиной из палочек, вновь набирали силу. На нем была новая рубаха, новые чулки, новые мокасины, двойной толщины на подошвах. Он еще не нуждался в одежде для защиты от непогоды, но она была совсем новая, и он гордился ею.

Он опять осмотрел свой каньон. Хорошее место. На кустах поспели ягоды: поздняя малина, кое-где смородина и уйма ирги — хватит и сейчас вдоволь поесть и порядком засушить про запас. Через несколько недель созреет дикий виноград, подспеют и два дерева дикой сливы. Ниже по каньону паслись бизоны, молодой бык, пять коров, три теленка. Четвертого он изловил. Его шкура, более мягкая и тонкая, чем у старого быка, пошла на новую рубаху и чулки. Он сосчитал оставшихся. Девять. Его бизоны. Хорошее место. Отчего же не знает он покоя под теплым, клонящимся к вечеру солнцем?

Он пошел в верхний конец каньона, туда, где слева от водопада среди торчавших из земли камней росли кусты малины. Щадя правую ногу, он чуть прихрамывал. Передвигался медленно, срывая самые большие, самые отборные, самые спелые ягоды. Обогнув кусты малины, он увидел барсука. Тот лежал, вытянув на низком плоском камне свое коротконогое широкое тело, — спал на солнышке.

Это было очень странно. В каньоне не было барсука, не было даже его следов. Кролики — да, полевые мыши, немного каменных сусликов. Но барсука не было. Может, он свалился с высокого обрыва и выжил, потому что барсук — самый стойкий из всех зверей, и, даже если его много раз ударить большой дубинкой, он все будет жив и все будет сопротивляться тому, кто его бьет. А может, барсук очутился здесь каким-то своим колдовством, ибо у барсука — большая власть, сильны его чары. Медвежонок стоял неподвижно, лишь единственно из уважения склонил голову. Случалось, барсуки дружили с шайенами. Они мудры и много знают. Известно, что иногда они разговаривают с людьми и говорят им, что делать и как жить. Медвежонок не обидит спящего.

Он сел на землю, скрестив ноги. Прошло время, и барсук открыл глаза и увидел его, но не

вскочил в испуге, а смотрел на него своими черными блестящими глазками.

— О барсук, — сказал Медвежонок, — скажи мне.

Барсук спрыгнул с камня и был таков.

Он сидел неподвижно и долго размышлял об этом. Он поступил неправильно. Человек не должен говорить с барсуком. Барсук и без того знает, что у него на уме. Он должен был ждать, пока барсук не заговорит с ним. И на вид барсук очень худ. На вид он очень устал. Может, ему не понравится в каньоне и он уйдет, как пришел. Он питается мясом, его пища — обычные суслики да луговые собачки и прочее мелкое зверье, которых он мог добыть в их норах, куда быстрее их разгребая землю сильными передними лапами с огромными когтями. В каньоне не водилось ни обычных сусликов, ни луговых собачек. Полевые мыши — нежирно для такого вот барсука, и здесь много расщелин, куда они могут попрятаться.

Он поднялся и отправился назад, в свой лагерь на берегу потока, в том месте, где поток вытекал из озерца под водопадом. Он отправился в кладовку, устроенную справа от его жилища в большой трещине, которая уходила вглубь почти на шесть футов. Раскидал камни, скрывавшие вход. Достал из мешка, сделанного из тяжелой сыромятной кожи, кусок вяленого мяса и вновь отправился к малиннику, пробираясь среди торчащих из земли камней. Положил кусок мяса на низкий плоский камень.

Утром кусок исчез. Ежедневно в течение трех дней клал он на камень кусок мяса и ждал, долго ждал. Каждое утро на следующий день кусок исчезал. Но барсука он не видел. Ничего странного. Барсука нечасто увидишь, даже когда их много в этом месте. Они держатся сторожко. Они могут спрятаться там, где другим зверям кажется, что и спрятаться-то негде. Могут зарыться в землю, чтоб их не было видно, так быстро, что исчезнут прежде, чем успеешь заметить.

На четвертый день он положил кусок мяса на камень и стал ждать. Сидел, скрестив ноги, в двадцати футах от камня и наблюдал. Проходило время. Над камнем показалась темно-коричневая голова барсука с длинной белой полоской посередине до самого носа. Барсук увидел его. Но один миг смотрел он на Медвежонка. Потом зашевелился, и все его широкое серо-коричневое с проседью тело показалось на камне. Он съел мясо. Пока ел, он наблюдал за Медвежонком, а когда кончил есть, растянулся на камне и все наблюдал. Он лежал совсем неподвижно.

Солнце грело Медвежонка и барсука, которые наблюдали друг за другом. В голове у Медвежонка роилось много мыслей и много вопросов, но он молчал. Он сидел неподвижно, и верчение в его голове замедлилось. Солнце припекало, и голова его, охваченная дремотой, свесилась на грудь. Барсук глянул на него, и его глаза ярко блеснули. Он заговорил.

— Большой брат, — произнес он, — отчего ты думаешь, что каньон — клетка? — Глаза барсука помутнели и закрылись, через некоторое время они открылись и блестели очень ярко. — Все люди живут в клетках, — сказал он. — Со всех сторон их окружают каменные стены обычаев, они ищут одобрения своих соседей. Их связывает необходимость добывать пищу для своей семьи. — Глаза барсука помутнели, потом голова поднялась, и глаза опять ярко заблестели. Он встал на свои короткие кривые ножки и повернулся, собираясь уйти. — Способ есть, — произнес он. — Если навалить камни на камни, они поднимаются вверх. Если ударить камнем о камень, откалываются мелкие кусочки.

Медвежонок шел вдоль ближнего отвесного обрыва, глядя вверх. Он увидел место, которого не замечал раньше. Место, где уступы скал поднимались один над другим на расстоянии пятнадцати-двадцати футов. Их было четыре, и каждый достаточно широк, чтобы человек мог твердо встать там. На земле у подножия обрыва валялось множество камней. Некоторые — просто огромные. Другие поменьше, так что человек мог поднять и перенести их. Он принялся

сваливать их друг на друга в большую кучу, упиравшуюся в отвесный склон скалы и поднимавшуюся на высоту первого уступа в двадцати футах над землей...

Солнце освещало каньон. Оно светило ярко, но не могло сдержать подступов осени. Воздух был свеж. Камень под рукой Медвежонок обжигал холодом. Он тесно прижался к каменному обрыву над первым уступом. Ноги твердо стояли в углублении, выбитом в скале. Тело тесно прижато к камню. Левая рука уцепилась за край другого углубления чуть пониже плеча. В правой зажат кусок твердого кремня, который он нашел в нижнем конце каньона, неподалеку от расщелины, где морозы и оттепели бесконечно сменявших друг друга времен года откололи куски от жилы, рассекавшей другую породу. На уступе под ним приготовлена груда обломков кремня. Вытянув руку вверх, он ударил зажатым в ней обломком по камню. Ударил еще раз, еще — крошечные осколки заплясали вокруг.

Правая рука устала. Он плотнее прижался к обрыву и переменял руки. Теперь правая рука цеплялась за выемку пониже плеча. Левая сжимала кремень и била им по камню над головой.

Резкая судорога предупреждением пробежала сзади по его ногам, первый признак того, что скоро они онемеют. Он бросил кремень на груду камней на уступе. Спустился вниз и спокойно уселся на уступе, свесив ноги и прижимаясь спиной к отвесному склону. Он отдохнул. Сила доброго мяса была в нем. Он встал и снова взобрался наверх, к своим углублениям. Снова ударил по камню обрыва кремень.

Три дня бушевал буран. Три дня падал снег — то густо валил крупными хлопьями, то носился в воздухе легким пухом. Ветры зимы свистели над плато, проносясь над открытым пространством каньона. Они мчались над ним, не опускаясь на дно, но гнали снег через край дальней стены каньона, сметая в двадцатифутовый сугроб у подножия обрыва. Больше снега не осталось, небо прояснилось, сквозь бегущие облака проглянуло солнце и улыбнулось сияющей красоте одетого в белое каньона.

Медвежонок сидел в своем шалаше, построенном так, как, по словам стариков, строит шалаши его племя, когда живет в поселках у большой реки. Шалаш был маленький, но построен он был точно так же: шесты близко вогнаны в землю и сходятся вверху. Они перевиты пучками высокой травы, заполнявшей промежутки между ними, а сверху все обложено нарезанным дерном. Через верхнее отверстие, в самом центре, выходит дым от костра, в который он бросал кизяк и поленья, весь день пылает огонь, чуть теплится ночью. Тесный вход, через который он забирается в шалаш и выбирается наружу, завешен куском шкуры — его можно прочно закрепить, если подует ветер. Конечно, шалаш не то, что вигвам с аккуратными покатыми стенами из бизоньих шкур. Но в нем тепло. Это его жилище.

В такую погоду он не мог выбивать углубления на отвесной скале, которые теперь уже шли над третьим уступом. Это не беспокоило его. Дел всегда много. Когда бушует над землей буран, приятно поработать в шалаше.

Он заканчивал пару лыж. Смастерил их из ивы, согнул, чтобы придать нужную форму, связал и перевязал крест-накрест шнурами из сыромятной кожи, приделал ремни, которыми они крепились на ноге. Он заметил, что свет, проникавший через отверстие для дыма, прояснился. В шалаш больше не залетали снежинки, которые, попадая в тепло, улетучивались, превратившись в пар. Он развязал тесемки, закреплявшие маленькую дверцу, наклонился, выглянул и увидел красоту белого снега.

Он выбрался наружу. Подтянул отвороты доходивших до щиколотки новых зимних мокасин и плотно завязал их. Туго затянул ремни лыж вокруг мыска ноги и щиколотки. Он двигался по снегу широким, размашистым шагом, размахивая руками, чтобы кровь согрелась и бежала быстрее. Хорошо было вновь побыть на свежем воздухе, не просто пройти за водой к потоку

или за пищей в кладовку, а на воздухе — мчать свободно по своему каньону куда угодно.

Выбрались и некоторые из его соседей. На припорошенный снегом камень опустилась птица и разгуливала по нему. Каждый отпечаток крошечной лапки точен и ясен. По разным приметам было видно, что неподалеку вылез кролик из норы, куда он забился во время бурана, и пустился в новый белый мир. Глупый кролик. Снег еще рыхлый, не слежался. Природные лыжи кролика были недостаточно широки. Собственные лыжи Медвежонка проседали на шесть-восемь дюймов. Кролик же вязнул даже в неглубоком снегу. Над следами лап отчетливо виднелся след от брюшка. Снег стал поглубже, следы исчезли. Кролик зарылся в белизну, чтобы в уютной ямочке, обогреваясь теплом своего тела, дожидаться, пока снег не уляжется неплотнее, образовав тонкий наст.

Глупый кролик. Очень глупый. Мягко мех кролика, из него много чего можно сделать. Из него выйдут отличные рукавицы. Метнувшись вперед, он нырнул в снег, и руки нащупали мягкое пушистое тело. С трудом поднялся он на ноги на своих неуклюжих лыжах. Он держал кролика за уши левой рукой, ребром правой ударил по шее у основания черепа — тот обмяк и безжизненно повис.

— О кролик, — сказал он. — Я печалюсь о тебе, но мне нужен твой мех. — Он вытряхнул снег из своих волос и на своих новых лыжах помчался к торчавшим из земли камням — они указывали место, где летом был малинник.

Он отыскал под снегом плоский камень. Смахнул белый покров — кусок мяса, положенный четыре дня назад, по-прежнему лежал на камне. Ничего странного. Зимой барсук большей частью спит где-нибудь в укромном месте, глубоко в земле; выходит, только когда случается подряд несколько довольно теплых дней. Выходить в такую погоду он не станет.

— О барсук, — сказал он, — здесь есть пища. Она ждет.

Он двигался вдоль ближайшей стены каньона, мимо того места, где ухабистый спуск из сваленных грудой камней наклонно поднимался к первому уступу. Но Медвежонок не смотрел вверх. Он смотрел в нижний конец каньона. Там выбирались из затишного угла, где они укрылись и понурив голову пережидали пору самого сильного бурана, бизоны. Они разрывали снег, добираясь до пучков схваченных морозцем трав, жевали тонкие ветки осин, что росли по берегам потока в нижнем конце каньона. Он сосчитал их: молодой бык, три подрастающих бычка, четыре коровы. Всего восемь. Он забил пятую корову, когда, предупреждая о холодах, подули первые ветры зимы. Ее шкура стала покрывалом, под которым он спал. В кладовке хранилось ее мясо, частью вяленое, частью копченое. В кладовке было много мяса. Еще оставалось немного мяса старого быка да мясо телянка. Может, не стоило забивать корову. Но ему была нужна ее шкура.

Хорошее это место для бизонов. Летом у них тут прекрасная пища. Зимой тоже хватает. Всегда рядом вода. Вода была проточная и никогда не замерзала совсем. Были густые заросли шиповника, в которых они могли летом спастись от мошкары. Были высокие, нависшие над затишным углом каменные кручи, которые защищали их от зимних метелей. Хорошее для них место.

Уже поползли тени сумерек. Он вернулся в шалаш и освеживал зайца. Хорошо поесть свежего мяса, пусть в нем нет силы, зато это ароматное, доброе мясо. Он съел все за один присест. Живот округлился над поясом мужества. Приятное ощущение. Он лежал, завернувшись в покрывало из шкуры пятой коровы, наблюдая, как дым от тлеющего костра спиралью поднимался и вылетал наружу сквозь отверстие вверху. Для него каньон тоже хорошее место.

Над высоким плато свистели ветры зимней ночи. Они не опускались низко, не тревожили покоя каньона. И Майюны каменных круч мчались, подхваченные ветрами, и смеялись сами с

собой. Пронсясь в вышине, они глянули вниз:

— Маленький брат! Тепло ли тебе? Сыт ли ты?

В диких местах все, кто наделен жизнью, должны бороться за эту жизнь. Закон этот неизменен и вечен.

Густые тени скользили в ночи по плато у дальнего конца каньона. Небольшое стадо канадских оленей спустилось вниз с высоких горных кряжей, олень с рогами в семь ветвей и шесть ланей, обитатели горных лесов и высокогорных полян. На бегу они высоко вскидывали головы и казались выше бизонов, но они были не так массивны, легче по весу, тоньше в ногах. Сейчас они искали на плато открытых пространств, где ветры сдули снег, оставив между наметенными сугробами почти обнаженные участки. Олени нечасто добывали здесь пищу, тем более в ночное время, когда тьма скрывает опасность. Обычно они паслись рано утром или совсем под вечер. Но буран бушевал слишком долго. Они проголодались.

Еще одна черная тень скользила в ночи, крадучись, стелилась по земле, прячась за сугробами, громадная кошка, кугуар — лев горных хребтов. То был старый самец, почти восемь футов от приплюснутого носа до кончика черного хвоста, двести фунтов сокрушительного голода. Кугуар крался совсем рядом с оленями с наветренной стороны, в тусклом свете одиноких звезд на снегу, безмолвный и бестелесный, словно тень. Одна из ланей приближалась. Кугуар, как бы перелившись вперед, прыгнул, целясь в шею, чтобы ошеломить, навалиться всем весом на голову и с огромной силой вонзить челюсти в хребет под затылком.

Снег был рыхлый. Ноги скользили. Кугуар промахнулся на несколько дюймов и опустился на лопатку лани. Когти вонзились под шкуру, и он повис, стараясь теперь дотянуться острыми клыками до бьющейся на нижней стороне шеи большой вены. Лань в ужасе метнулась вперед. Огромными прыжками перемахивала она через сугробы. Увидела черноту открытого пространства впереди и шарахнулась в сторону; кугуара рвануло, он барахтался, бесполезно цепляя лапами, и его швырнуло в снег, на край высокого отвесного обрыва. Когти впились в дерн под снегом, но слой почвы был тонок, и когти прорвали его. Кугуар полетел в черноту, прорезая ее все глубже и глубже, и упал в громадный сугроб двадцати футов высотой...

Медвежонок разбудил рев. Он заспался, набив живот добрым, свежим кроличьим мясом. Солнце уже час как стояло в небе, когда он проснулся, содрогаясь от ужасающего хриплого рева, который доносился из дальнего конца каньона. Медвежонок привстал и прислушался — ни звука. Потом услышал, как совсем рядом движутся бизоны, тяжело дыша и увязая в снегу. Подобрался к выходу, приподнял завешивавшую его шкуру и вылез наружу. Бизоны бежали вдоль подножия ближайшей стены каньона. Они прыгали, пробиваясь сквозь глубокий снег, и мчались дальше. Пробежав меж торчавших из земли камней, где летом был малинник, уперлись в обрыв в верхнем конце каньона и тут остановились. Стали, тесно сгрудившись, и, не отрывая глаз, смотрели туда, откуда пришли; их мышцы ходили ходуном и дергались от страха. Это было очень странно.

Он надел лыжи и понесся к бизонам. Они боялись его. Боялись с тех самых пор, как он убил старого быка, и всегда убегали от него. Но сейчас они не убегали. Только пятились назад, покуда не уперлись задом в отвесный откос, и, не отрывая глаз, смотрели на него и мимо него, вниз по каньону, и мышцы их дергались от ужаса.

Он остановился, сосчитал. Семь. Одного не хватает. Одного из подрастающих телят не было с ними.

Впереди стоял молодой бык. Он рыл снег передними ногами, опустил голову и фыркал ноздрями. Бык мог броситься на него. Медвежонок повернул и быстро помчался на лыжах вниз по каньону. Он недалеко ушел, когда обнаружил следы.

Следы были почти круглые, больше четырех дюймов в ширину. На каждом отпечаталась подушечка и четыре пальца, и еще на снегу ясно виднелись отпечатки втянутых когтей.

Это невозможно. Кугуар, что скользит тенью, которую не под силу догнать ни одному охотнику, что в ночной тьме забивает лошадей, нет, невозможно, этот кровопийца оказался в его каньоне. Вчера, когда Медвежонок поймал зайца, его не было. Его не было ни в один из дней, уходивших далеко назад. И все же следы совершенно четкие и их много. Какой-то злой дух обратился в кугуара и явился, чтобы отнять у него бизонов. Собственные мышцы Медвежонок задержались от неизвестного страха.

Он поспешил назад, в свой шалаш. Перекинув перевязь через правое плечо, повесил на левый бок колчан из бизоньей кожи. Взял пять стрел, натер кремневые наконечники листом белого шалфея из маленькой кучки в углу шалаша, чтобы очистить их и отвести все дурные приметы, что могли пристать к ним. Вложил стрелы в колчан, взял лук из бизоньего рога, натянул тетиву, сделанную из большого сухожилия под лопаткой старого бизона. Вынул из ножен, прикрепленных к кожаному чулку на правом бедре, нож, потер его другим листом белого шалфея и вновь вложил в ножны. Теперь он опечалился, что не сделал себе крепкого томагавка или могучего каменного топора. Широким размашистым шагом отправился он на лыжах вниз по каньону.

Теперь снег слежался, и Медвежонок мог двигаться быстро, но не стал. Он пробирался медленно, пристально вглядываясь в расстилавшееся вокруг и впереди пространство. Очутившись вблизи следов, вынул из колчана стрелу, уставил в лук и пошел по следу. Следы петляли взад и вперед, неизменно уводя все дальше вниз по каньону. Он увидел, где кугуар почуял бизонов, и, припав животом к земле, пополз, оставляя след, будто громадная змея. Увидел, что след, петляя, уходил в чащу кустов, дальше ничего не было видно. Он остановился. Постоял, стараясь припомнить, что говорили о повадках кугуаров старые охотники. Убив добычу, он не станет есть на открытом месте, а оттащит свою добычу под навес утесов или под дерево с низко растущими ветками. Поблизости нет таких утесов. Но впереди, в правой стороне, на расстоянии дальнего полета стрелы, стоит раскидистая сосна. А в сорока футах от нее — хороший заслон зарослей кустов.

Продвигался он очень медленно. Он старался, чтобы лыжи не стукнули друг о друга, старался, чтобы снег не скрипел, легко класть каждую лыжу, прежде чем налечь на нее всей своей тяжестью. Взяв вправо, он сделал круг и много долгих мгновений спустя зашел сзади зарослей, служивших защитой кугуару. Теперь он двигался еще медленнее. С бесконечной осторожностью раздвигал он кусты и прокладывал себе между ними путь. Наконец ему стало видно, что там, за кустами. Там был кугуар.

Он сидел под раскидистой сосной и, припав к земле, ел тушу подраставшего теленка, которому больше не суждено подрасти. Сидел спиной, чуть наискосок. Медвежонок видел, как колышется из стороны в сторону черный кончик хвоста. Видел, когда кугуар поднимал голову, чтобы соки свежего мяса стекали ему в горло, белые изнутри уши. Все, кроме кончика хвоста и ушей, было густо-коричневого цвета с красноватым отливом. Большой кугуар, очень большой.

Осторожно он оттянул стрелу назад, так, что кремневый наконечник едва не касался лука. Он целился в грудь, где стрела, пройдя под ребрами, попадет в сердце. Разжал руку, сжимавшую стрелу, и она вылетела из лука, тихо напевая песню смерти, но в полете стрела отклонилась и попала не в грудь, где она могла достичь сердца, а в бок, прошла сквозь большую мышцу и ударилась о кость.

Громадная кошка, извиваясь, подскочила в воздух и в воздухе заметила его, барахтаясь, приземлилась и умчалась гигантскими прыжками, разбрасывая снег, и вторая стрела, которую он уставил в лук до того, как первая поразила зверя, полетела следом, взмыла

высоко и увязла в сугробе.

Он сильно опечалился. Значит, плохие у него стрелы. Не совсем ровные. Они не летят как надо. Никудышный он мастер по стрелам. Хороших мастеров было мало, и они изготавливали стрелы для всего поселка, и все приносили им подарки. Однако это его единственные стрелы. Одну из них унес кугуар, другую придется искать в глубоком снегу.

Все остальное утро и после полудня он шел по следам кугуара. Какое-то время их сопровождали пятна крови, потом эти пятна пропали. Кугуар двигался как тень, ускользая прежде, чем он успевал приблизиться или хотя бы догадаться, что зверь недалеко. Он обнаружил место, где кугуар попытался вытащить из бока стрелу и перегрыз ее, — на земле валялись мелкие щепки. Почти целый день шел он по следу и лишь три раза видел кугуара. Один раз он настолько приблизился, что пустил еще одну стрелу — она отлетела далеко в сторону. Ему было страшно. В нем нарастал тот страх, от которого рано утром дергались его мышцы. Может, его стрелы все-таки хорошие стрелы. А не летят они потому, что злой дух, сидящий в кугуаре, слишком силен для них. Этот-то дух и отвращает их в сторону. Потом он догадался. Кугуар не просто бежит, чтобы уйти от него, скрыться и потом опять пуститься бежать, когда он, распутав все более густую вязь следов, подойдет ближе. Он не видел кугуара, когда тот выскальзывал из одного укрытия и скрывался в другом, но чувствовал, что зверь наблюдает за ним. Кугуар знал, что из каньона нет выхода, и следил за человеком, повторяя его движение, зверь не заходил в верхний, узкий конец каньона. Там запах человека был чересчур силен, потому что там находился его лагерь. Кугуар кружил в широком нижнем конце и, наблюдая за ним, постиг, что человек не может двигаться с той же быстротой, что и он, и что у его стрел слабые чары. Медвежонок вспомнил, что старые охотники говорили, будто кугуар никогда не нападает на взрослого человека, если только не попадет в такое место, откуда не может спастись. Но от этого было мало проку. Не все, что говорили старые охотники, непременно было сущей правдой.

Он бросил идти по следу. Все равно нельзя подойти близко к кугуару, пока тот наблюдает за ним. Скоро начнет темнеть. Он будет драться иначе: не позволит кугуару есть то мясо, которое тот себе добыл. Он отправился назад, туда, где лежала туша телят, и попытался тащить ее. Туша скользила по снегу, но была слишком тяжела. Он разделил ее надвое, разрезав прямо под ребрами и разъединив позвонки. За два раза он перетаскил все в кладовку. Когда он возвратился во второй раз, на снегу виднелись новые следы. Он не видел кугуара, но знал, что зверь следит за ним, и потащил мясо как можно быстрее. Затолкав оба куска в устроенную в трещине скалы кладовку, снова завалил вход камнями. Поискал в снегу еще камней, таких больших, какие он только мог сдвинуть с места. Навалил много-много и плотно подогнал один к другому.

Бизоны все еще держались в верхнем конце каньона у торчавшего из земли камня неподалеку от обрыва. Там еды мало, но они не осмеливались спуститься в нижний конец. Медвежонок носился взад и вперед от одной стены каньона до другой между ними и нижним его концом, прокладывая тропинку сначала на лыжах, потом — без них, в одних мокасинах... Может, его запах удержит кугуара...

Эта ночь тянулась долго. Он спал в своем шалаше лишь урывками, то погружаясь в дремоту, то внезапно просыпаясь с залитым холодным потом лицом. Каждый раз, просыпаясь, он подкладывал в костер дров. Бывали долгие промежутки, когда не раздавалось ни единого звука. Не шелухнулся ни один ветерок. Даже Майюны глубоко запрятались в свои каменные дома. Потом тишину прорезал ужасный звук. Пять раз вскрикивал в ночи кугуар; то был ужасный звук; подвывая, эхом катился он по всему каньону, напоминая то корчащуюся в муках женщину, то злого духа, терзающего беспомощных людей. Каждый раз Медвежонок прислушивался, и его мышцы дергались, и страх его возрастал...

Утром солнце поднялось высоко, прежде чем он выбрался из шалаша. Дважды пытался он

выйти, но все откладывал и вышел лишь на третий раз. Теперь он ни на миг не выпускал из рук своего лука.

Бизоны были все там, среди торчавших из земли камней. Они понемногу выходили из-за них, но недалеко. В верхней части каньона не встречалось четырехпалых следов. Он почувствовал себя гораздо лучше. Видно, его чары тоже были велики.

Медвежонок пустился вниз по каньону, двигаясь медленно, поглядывая по сторонам. Он увидел, что старые следы пересекало множество новых. Увидел, что кугуар слизал все звездочки крови и в том месте, где лежала туша теленка. Увидел, где кугуар убил кролика, — от него только и осталось, что несколько клочков меха. Зверь очень проголодался. Маленький горный кролик — немного, чтобы насытить такого громадного кугуара. А аппетит зверя, одержимого злым духом, всегда очень велик.

Внезапно он понял, что зверь наблюдает за ним.

Он обернулся. Да, так и есть, кугуар находился немного дальше, чем на расстоянии полета стрелы, и следил за ним горящими на солнце глазами. Зверь был недоволен, что у него отняли мясо. Он был недоволен, что запах человека не подпускал его к бизонам. Он не убегал от Медвежонка — знал, что человек не может его догнать. Только когда Медвежонок закричал и пошел на зверя, тот двинулся с места, скользнул, словно тень, и исчез так быстро, что Медвежонок даже не был уверен, в какую сторону. Кугуар скрылся из виду, но Медвежонок знал, что зверь наблюдает за ним, и поспешил назад, в верхний конец каньона.

Весь день он оставался там, на открытом воздухе. Долгое время простоял он на большом камне, глядя в нижний конец каньона. Иногда он видел кугуара. Тот бегал в беспокойстве, обходя в поисках пищи все пространство. Он отощал и был очень голоден. Казалось, зверю безразлично, видит его человек или нет.

Бизоны знали, что зверь здесь. Они тоже искали пищу и рыли снег, отыскивая скудную траву. Часто посматривали в нижний конец каньона, храпели и вздрагивали. Но они не храпели и не вздрагивали при приближении Медвежонка. Как будто знали, что были в большей безопасности, когда он находился между ними и кугуаром.

Все, что было живого в каньоне, знало о присутствии зверя. Ни один кролик не вылез из своей норы, ни один каменный суслик, даже ни одна полевая мышь под снегом. Только бизоны и Медвежонок в верхнем конце каньона да кугуар, который рыщет в нижнем конце, подбираясь пробежками от стены до стены, все ближе и ближе. Сгустились тени сумерек. Медвежонок оставался на большом камне и, держа наготове лук, наблюдал за снежной белизной. Наступила тьма, с нею натянуло облаков; снег смутно и серо расстилался вокруг. Ему почудилось, хотя он и не был уверен, что кугуар наблюдает за ним. Потом это почудилось ему снова. Зверь был близко. Медвежонок не мог сказать где, с какой стороны, сзади или спереди. Страх был слишком велик. Он поспешил к шалашу, туго-натуго затянул закрывавшую вход бизонью шкуру и развел жаркий костер.

Он сидел скрючившись; между ним и входом пылал костер. Пламя горело низко, не вскидываясь вверх языками. Медленно, словно нехотя, не желая вылетать наружу, в темноту, поднимался дым. Не раздавалось ни единого звука, кроме слабого шипения костра, и все же мышцы у него дергались, и сознание становилось все яснее. Внезапно звуки обрушились каскадом. Бизоны фыркали и храпели — они бежали. Продирались по глубокому снегу вдоль стены каньона вниз. Звуки смолкли, и вновь наступила тишина, однако ощущение не поколебалось: кугуар остался здесь. Он не последовал за бизонами, он был около шалаша, совсем близко.

Медвежонок прислушался. Он слушал, и капли холодного пота катились с его подбородка. Он услышал царапанье когтей по камню. Зверь пытался разрыть камни у входа в кладовку.

Медвежонок крикнул. Он помешал палкой в костре так, что вверх полетели искры. Затопал по земле ногами, завопил, издавая истошные, нечленораздельные звуки. Выхватив из костра полено, просунул через отверстие вверху горящий конец, подпрыгнул над костром, высунув наружу руку, и запустил горящее полено, оно с шипеньем упало в снег.

Медвежонок скрючился в шалаше, сжимая лук с вложенной стрелой и прислушался. Ни звука. Ощущение непосредственной опасности отпало. Он подбросил еще дров в огонь и сел, скрючившись над ним; понемногу мышцы перестали дергаться. Каньон походил на огромную чашу, полную темного безмолвия. Медвежонок сидел, скрючившись над огнем, и густые тени роились у него в голове.

Потом поднялся рев. Густой и раскатистый. Рев разрастался, затихал и разрастался вновь. Прекращался, и начинался снова, и снова прекращался, и снова-таки начинался. Наступала тишина, потом раздавался рев, а один раз громадная кошка даже завизжала высоким, забирающим все выше визгом, в котором звенела устрашающая ярость и устрашающий гнев. Проходили часы, медленные и тягучие, а он, скрючившись, сидел у костра, и темные тени вихрем кружили у него в голове...

Настало утро. Туманы ползли над холмами. Припекло их солнце, прогнало прочь и засияло над плато. Но в каньоне по-прежнему висел туман.

Медвежонок очнулся от полусна, навеянного сковавшей его усталостью. В костре догорали последние угольки. Проникавший через отверстие вверху свет известил его, что настал день. Он потянулся, разминая затекшие мышцы, но внезапно выпрямился и вскочил на ноги. Снова поднялся рев. Хриплый, тягучий, доносился он из дальнего конца в нижней части каньона. Рев прекратился; Медвежонок стоял, содрогаясь от страха.

Он двинулся с места. Это было очень трудно, но он сдвинулся. Отвязав кусок шкуры, закрывавшей вход, выбрался наружу и надел лыжи. На правой ноге покоился в своих ножнах нож. На левом — колчан с тремя стрелами, в руках — лук со вставленной в него четвертой стрелой. Медвежонок посмотрел в нижний конец каньона, но из-за ключев тумана разглядел лишь там и сям отдельные его участки. Осторожно ступал он по своей тропе, добрался до торчавших из земли камней. Там были следы, четырехпалые следы большого кугуара. Они вели к плоскому камню, что принадлежал барсуку. Кусок мяса исчез. Обогнув камень, следы вдоль подножия отвесной кручи уходили в нижний конец каньона, куда умчались бизоны. Идя по следу. Медвежонок пустился вдоль отвесной кручи.

Он двигался медленно. Чем дальше — тем медленнее. Страх напал на него, охватил и крепко держал. Дыхание сделалось прерывистым. Было такое ощущение, будто ребра прогнулись внутрь и он вот-вот задохнется. Наконец он остановился: не мог дальше идти.

Он стоял неподвижно, не в силах двинуться ни вперед, ни назад. Пока он стоял, солнце припекало, заходили легкие ветерки, развеяли туманы, и он увидел. Впереди, в нижнем конце каньона, в затишном углу он увидел бизонов. Они забились в самый угол, тесно сгрудились и не отрываясь смотрели остановившимся взглядом. В пятидесяти футах от них, низко распластавшись на снегу, лежал кугуар. Он смотрел на них, и черный кончик хвоста большого зверя мягко раскачивался из стороны в сторону. А между бизонами и огромной кошкой стоял молодой бык. Он тяжело дышал и, низко нагнув голову, выставил рога. Там, где Медвежонок проложил широкую дорогу между бизонами и кугуаром от одной стенки угла до другой, снег был плотно утопан. На утопанной дороге виднелась кровь. Кровь струилась и с крупной головы молодого быка, разодранной когтями сверху вниз. Но то была не только его кровь. На одном из рогов подсыхало темно-красное пятно.

Медвежонок видел. Он видел, как кугуар повернул голову и принялсялизывать разодранный бок. Видел, как зверь встал и тенью скользнул вправо, и молодой бык

развернулся ему навстречу. Видел, как зверь, увернувшись, скользнул влево, и молодой бык снова развернулся. Видел, как кугуар взметнулся в прыжке, и молодой бык подпрыгнул, вытянув ноги и выставив голову, тот увильнул, ринулся вперед, стараясь обойти быка сбоку и разогнать остальных бизонов, и молодой бык с отчаянной быстротой бросился наперерез.

Медвежонок все стоял. Но он будто стал выше, и страх, объявивший его, треснул, точно старая, гнилая веревка. Воздух его каньона хлынул в легкие, пока ему не почудилось, что ребра вот-вот выгнутся наружу. Мощным криком прогремел его голос:

— О бизон! Сражайся изо всех сил! Я иду к тебе!

Лыжи на его коротких ногах описывали над снегом мощные дуги. Он быстро летел вперед, и стрела в луке, оттянутая назад, чуть не касалась тетивы кремневым наконечником. Но гигантская кошка услышала его, подскочила, с рычаньем повернулась кругом и гигантскими скачками умчалась прочь.

Он остановился на том месте, где прежде, низко распластавшись на земле, лежал кугуар. Взглянул на молодого быка и увидел глубокие раны, из которых струилась кровь. И все же молодой бык бил ногами в землю на протоптанной им дороге и фыркал в его сторону.

— Подойди, — казалось, говорил он. — Я сражусь и с тобой.

Медвежонок взглянул на него, и сердце у него в груди сделалось большое-пребольшое.

— О бизон, — сказал он. — Ты посрамил меня.

Медвежонок повернул и умчался прочь, идя по новым следам. Быстро летел он по снегу. Могучей силой налились его мышцы. Он увидел на снегу пятна крови, струившейся из бока кугуара, и порадовался. Прыжки были теперь не так велики, как прежде. Кугуар ослабел. Глубоко в боку у него засел каменный наконечник стрелы. На груди у него зияла длинная рваная рана.

Медвежонок видел уходящие вперед скалы. Они вели к кряжистой сосне. От сосны не вело никаких следов. От ран зверь сделался глупым. Он взобрался на дерево. Там стрелы настигнут его.

Осторожно приблизился Медвежонок к сосне. Ветки были очень густы. Он стоял уже почти под самой сосной, прежде чем увидел зверя. Тот лежал, растянувшись на суку, футах в двадцати над землей. Он зарычал и зашипел на него. Медвежонок оттянул стрелу в луке и спустил — послышался тихий свист. В тот миг, как он выстрелил, кугуар прыгнул с ветки. Он хотел прыгнуть далеко, перепрыгнуть через человека и убежать, но сук под его тяжестью спружинил, а мышцы занемели от ран. Ничего не вышло. С треском полетел зверь меж концами ветвей прямо на него. Медвежонок видел его приближение. Видел разверстую пасть и длинные выпущенные когти. Отбросив лук и вытянув левую руку, он ухватил кугуара за шею под челюстью и вытащил нож правой рукой, нож с железным лезвием, что острее и тверже любого камня. Спасаясь от длинных острых когтей кугуара, всей тяжестью навалившегося на него, он упал навзничь и глубоко вонзил нож ему под лопатку.левой рукой отведя брызжущую слюной пасть, повернул и еще глубже вонзил нож, изо всех сил стараясь перевернуться и вырваться из впивавшихся в него когтей. Потом отпустил рукоятку ножа, обеими руками уперся в тело кугуара, отбросил его и освободился. Шатаясь, он поднялся на ноги, зверь корчился на земле, когтил снег и покрытую им траву. Движения его замедлялись и слабели. Глаза затянулись пленкой. Зверь дернулся и застыл.

Медвежонок стоял, покачиваясь из стороны в сторону и судорожно глотая воздух. Одежда была вся изодрана. Кровь струилась у него по груди и ногам. Он наклонился и, набрав по целой пригоршне снега, растер им раны. Драло сильно, но кровь пошла медленнее. Хорошо,

что драло. Это хороший знак.

Он вытащил нож из тела кугуара и вытер его. Отвязал от лука тетиву и, стянув ею передние лапы зверя, потащил его по каньону, оставил неподалеку от входа в шалаш, где собирался разделать тушу. Вошел в шалаш, достал из запасов кусок вяленого мяса, отправился к выступающим из земли камням, где летом был малинник, и положил мясо на плоский камень.

— О барсук, — сказал он, обращаясь к камням, — знай, тот, что взял твое мясо, мертв.

Он посмотрел в нижний конец каньона. Там были его бизоны. Они вышли из затишного угла. Разрывая копытами снег, они добывали сухие пучки добрых трав, что росли по всей нижней части каньона. Раны молодого быка заживут скоро. Он будет жить и произведет много телят. Добрые будут телята, храбрые сердцем и сильные мускулами, которые достанутся им в наследство от отца. Доброе будет мясо. Их сила станет его силой.

Солнце ярко блестело на снегу и на ближнем каменистом обрыве. Оно победило туманы. Скоро исчезнут четырехпалые следы. Солнце растопит их, и новый снег запорошит места, где они проходили, а весной вырастут зеленые травы, словно следов вовсе тут не бывало. И он сказал окружавшим его камням:

— О барсук. Это добрая клетка...

Свежая зелень оживших трав была ярка и прозрачна. Свежая зелень молодой листвы на деревьях, долго сохранявших наготу, светлела и сверкала на фоне старой темной зелени сосен. Солнце поднималось выше над горизонтом и дольше светило над каньоном. Оно искрилось в летучих брызгах водопада и бегущих волнах родника. Оно дружелюбно обдало теплом Медвежонка, когда он, выбравшись из шалаша, скинул кожаные чулки и набедренную повязку, оставив лишь пояс мужества. Он разбежался и бросился в озерцо побултыхаться и помыться-с чего начинается утро каждый мужчина-шайен, когда рядом есть вода.

Вода была холодна; она все еще обжигала тело, потому что питали ее продолжавшие таять снега высоко на холмах, которые и не холмы вовсе, а горы. Из-за этого он шумно барахтался и фыркал, коротко отдуваясь. Из-за этого быстро вылез из воды, забегал и запрыгал, чтобы кровь быстрее заходила по жилам, разнося тепло.

Он оделся и поел. Потом отнес кусок мяса на плоский камень среди торчавших из земли камней. Тот кусок, что он оставил вчера, исчез. Уже много дней барсук не спал в часы, когда светило солнце.

Теперь он направился в нижний конец каньона. Каждое утро совершал он этот обход. Миновал отлого поднимавшийся спуск из наваленных камней, который вел к первому уступу и выдолбленным над ним углублениям, поднимавшимся теперь уже над третьим уступом, но не посмотрел вверх. В такую погоду можно вырубать новые углубления, но он даже не поглядел вверх. Дел всегда много. В том, чтобы долбить углубления, нет никакой спешки. Нет необходимости.

Он увидел бизонов, щипавших снова тронувшиеся в рост добрые травы. Он сосчитал их. Вот молодой бык, которого теперь нужно называть старым, потому что среди них он самый старший самец. Затянувшиеся шрамы на его крупной голове — это знаки, которые подтверждали его право быть предводителем стада. Два подрастающих теленка, которые были уже не телята, а годовички, бычок и — потоньше его — телочка. Три старые коровы, рядом с которыми бежали три маленьких теленка; они уже настолько подросли, что сейчас почти что могли прочно держаться на ногах и бодаться друг с другом. Но оставалась еще одна, четвертая, корова, которая, хоть и была очень толстая и большая, не произвела на свет теленка. Она держалась в сторонке, неподалеку от отвесной стены, и что-то обнюхивала на

земле.

Он подошел поближе, но не настолько, чтобы спугнуть ее. На земле лежало что-то; их было два, и корова облизывала их, сначала одного, потом другого. Два теленка. Они были поменьше других, когда те только народились, но крепкого сложения — уже пытались встать па свои подкашивающиеся ножки. Скоро они нагонят других в росте. Телята-двойняшки почти всегда выходили здоровые и быстро росли. Хорошая мать, самая лучшая мать. Она ждала дольше других, и не зря. Придется ей есть много доброй травы, чтобы хватало молока двум этим резвым телятам...

Трава и листья были свежи и зелены, солнце грело, лили теплые дожди, пища была хороша и разнообразна, дни проносились, и у него всегда было так много дела, и так много часов, когда он на припеке наблюдал в своем каньоне бесконечную изменчивость жизни. Но еще больше было часов, когда он ласковыми ночами, лежа у шалаша, ждал, пока луна не взойдет над стеной каньона и ее нежное сияние не брызнет ему в глаза... И тогда он начал видеть сны.

Он был взбудоражен, и на то не было причины. Он был беспокоен и не знал почему. Он был раздражителен, и внезапно ярость обуревала его, когда не от чего было приходиться в ярость. Он мало ел — не было аппетита, и он похудел. Стал есть больше, насильно заставляя себя есть, но и от пищи было мало проку. Он не прибавлял от нее сильной плоти, как прибавляли ее от трав бизоны. Был конец весны, время, когда полнеешь с доброго житья, а он не полнел. Он мало спал, а когда спал, то видел сны.

Сны были неопределенны, и, просыпаясь, он не мог их припомнить. Иногда он просыпался в еще большем изнеможении, чем заснул, и тихо лежал, охваченный странной усталостью. Иногда он просыпался в тревоге и напряжении и, вскочив, расхаживал вокруг тяжелыми быстрыми шагами, гневаясь на все. Он старался припомнить свои сны и не мог. Они ускользали от него, он почти уж припоминал, и тогда они улетучивались. Л потом он ясно видел один сон, и этот сон остался. Это был тот же сон, что он видел во время голодания. Он шел по хорошему месту, теперь-то он знал, что это был его каньон, и перед ним стоял прекрасный вигвам из аккуратно сшитых бизоньих шкур, и он знал, что это его вигвам, и у входа стояла женщина. Та самая женщина, он ясно видел ее, она была молода и все-таки женственна, не красавица, но в ее лице была теплая мудрость и понимание, и она звала его. Он пошел к ней, и она исчезла, и каким-то образом он тоже исчез, и он проснулся, дрожа, словно от сильного жара...

Он сидел на земле, скрестив ноги; наблюдал за плоским камнем и лежавшим на нем куском мяса. Над камнем показались темно-коричневая голова барсука с длинной белой полоской. Барсук увидел его. В маленьких черных глазках, в глубине которых вспыхнули крошечные искры, что-то мелькнуло — узнал. Барсук зашевелился, и вот на камне очутилось все его широкое серо-коричневое тело. Барсук съел мясо — он отощал и выглядел усталым, словно проделал долгий путь и у него было мало еды. И все-таки он съел не все мясо. Он лежал на камне и смотрел на Медвежонка.

Медвежонок сидел совсем неподвижно, солнце грело их обоих, и наконец голова его в дремоте упала на грудь. Барсук смотрел на него, и глазки его ярко блеснули. Он заговорил, и голос его звучал тихо и скорбно.

— Здесь много всего, — произнес барсук. — Но чего-то недостает. Нет тела, которое своим теплом согревало бы твое тело по ночам в шалаше.

Лучи предвечернего солнца застигли Медвежонка высоко на ближнем каменистом обрыве над третьим уступом. Его ноги твердо стояли в выдолбленном им углублении. Левая рука цеплялась за край другого пониже плеча. Правая рука сжимала кусок кремня и била по камню над его головой. Удары были сильны, и крошечные осколки плясали вокруг.

Жизнь шайена на пограничной возвышенности обретает смысл благодаря обычаям и обрядам повседневного существования. В этом он и его племя не отличаются ни от какого другого народа, что живет в каком угодно месте, в какое угодно время. Отличаются лишь сами обычаи и обряды.

Обычаи и обряды шайенов изменяются, но изменяются медленно. Точнее сказать, что они растут и развиваются, все прочнее обрастая традициями, что изменение — это процесс постепенного приспособления старого к воздействию нового. Они медленно изменяются и сейчас, так медленно, что в племени не знают, что они изменяются. Сокрушительное воздействие белого человека, его жестокие, всеразрушающие действия еще впереди.

Всего строже обычаи и обряды соблюдаются при совершении брака, во всем, что относится к бракосочетанию. На этом зиждется в конечном счете благополучие племени. Вот что сохраняет общественную жизнь, свободную, но тем не менее общественную, здоровых однородных людей, надлежащим образом приобщенных к обычаям и обрядам, которые составляют смысл их жизни...

Женщины в племени ценны не меньше, чем мужчины. В сущности, в деревне и в лагере правят они — так же как мужчины правят на охоте и на войне. Впрочем,, женщины часто удерживают охотников и воинов от чрезмерной поспешности и чрезмерных стараний, и мужчины прислушиваются к таким советам. У женщины есть имущество, и, выйдя замуж, она сохраняет его. Женщина, умеющая создать уют, так же ценится, как мужчина, слывущий хорошим охотником. Ни одну девушку не отдадут замуж без ее согласия. Родители, или брат, или дядя, которому она «принадлежит» в том смысле, что на его ответственности — выдать ее замуж, могут убеждать, ссылаясь на веские доводы, но принудить ее нельзя. Как человек она пользуется уважением всех мужчин в любое время и в любом месте, доколь сама уважает себя. Она не рабочая скотина, не подневольный слуга, не раб. Она шайенка.

Туго придется молодому человеку, вознамерившемуся жениться на шайенке, если не может он принести много подарков ее отцу, чтобы тот раздал их членам своей семьи и ближайшей родне. Подарки говорят, что вот мужчина, который способен позаботиться о ней, и что он глубоко уважает ее, и что он из хорошей семьи, которая помогла ему собрать подарки. Если его подарки будут приняты, то и подарки, которые он получит в ответ, не уступят его дарам или даже превзойдут их. Но если нет подарков, тогда должен он носить славное имя или числить за собой много подвигов, иначе она и не взглянет на него благосклонно. В трудном положении окажется жених, если нет у него ни славного имени, ни подвигов: он, может, и хороший человек, и она станет посматривать на него глазами нежными и полными сожаления. Но она шайенка. Девочкой ее обучали, притом куда старательнее, чем любого мальчика, ибо она будет в племени матерью и помнит об этой своей ответственности...

Все верные шайены, которых чтут в племени, считают такой порядок правильным и нормальным. Благодаря ему получают хорошие браки, добрые браки, которые выдерживают испытания, и, немало найдется стариков, для кого любимая соратница во всех делах — та старая женщина, которая приняла его, когда была молодой и полной жизни, и держала в чистоте жилище, и рожала детей, и оба вместе сеяли то доброе, что было за долгие уплывшие вдаль годы. Исключения бывают, случаются браки, заключенные без строгого соблюдения обычаев, иногда заключенные в нарушение их. Но среди подобных нечасто встречаются добрые браки...

Такие обстоятельства противустали Медвежонку. Вот он едет. Закончил долбить углубления

и выбрался на открытую равнину. Он — Медвежонок, некогда приемный сын Сильнойлевой Руки, а теперь чужак, странник, который ни за что не станет рассказывать ни о своем голодании, ни о том, что из того вышло за четыре долгих времени года, ни о шрамах на груди и ногах, который не желает поселиться ни в какой деревне, а переезжает из одной в другую на пятнистом пони, в одеянии из шкуры кугуара, с копьем, наконечником которому служит нож с железным лезвием. Проявит он большую храбрость во время охоты, добывая мясо для человека, у которого на время остановится, и бредет все дальше и дальше, в поисках неосязаемости вроде женщины, привидевшейся во сне...

В жилище стояла тишина. Вся семья спала. Но Медвежонок лежал на ложе, застланном мягким покрывалом для гостей, которое достали и расстелили для него, и не спал. Ее нет в этой деревне. Наверное, ее нет ни в какой деревне. Прошло почти целиком еще четыре времени года, а он все ищет. Заходил он в Священный Вигвам западных поселений — ее не было там. Заходил в Священный Вигвам южных поселений, поблизости от реки, что зовется Ниобрара, — и там ее не было. Оставались только восточные. Он должен проехать их все. Но порой семьи переселяются из деревни в деревню. Вдруг она сейчас в той деревне, где он уже был? Можно ли быть уверенным, что она вообще существует в какой-то деревне?

Мягкий свет луны на исходе весны струился через вход в жилище и звал. Он тихонько поднялся, пошел деревней на открытую равнину, сел там, скрестив ноги, и ночные шорохи обступили его. И в траве послышался шепот здешних Майюнов. Все Майюны, где бы они ни обитали, состоят в родстве и разговаривают между собой в глубине земли, делятся друг с другом тем, что знают. Эти Майюны знали его и заговорили с ним.

— Маленький брат, — сказали они, — нашел ли ты ее?

Он опустил голову, так что подбородок коснулся груди, и был очень грустен.

Ветерки сильнее зашуршали в траве, и Майюны заговорили, упрекая его:

— Неужели ты забыл про старца?

Он поднял голову и посмотрел на луну.

— Старец умер, — сказал он. — Старец ушел по тропе, где все следы ведут в одну сторону, он обитает теперь с духами друзей своей молодости в лагере среди далеких звезд. — Вновь Медвежонок грустно поник головой. Но ветры зашуршали еще сильнее, и Майюны заговорили — они сердились:

— Разве подвел тебя старец, когда твой отец назвал его имя, чтобы рассечь тебе уши? Подвел он тебя, когда до последнего дыхания боролся, чтобы продлить свою жизнь ради тебя, и выслал дух свой в ночь, и заставил во тьме пересечь равнину и войти в горы, когда ты утрастился и готов был бежать, не окончив голодания? — Майюны, сердито шурша травами, помчались прочь.

Долго размышлял он, потом вернулся, тихо взял свое копье с острием из ножа с железным лезвием, вновь проскользнул через деревню и вышел туда, где в лунном свете паслись лошади. Он сел на пятнистого пони и поехал на восток.

Всю ночь ехал он и почти весь следующий день, пока достиг деревни. Но вигвам, на котором были изображены разные знаки, исчез. Он оказался в двух милях; сложенный так, как положено складывать в пути, он покоится рядом с любимым оружием и любимыми трубками на погребальном помосте в рощице, где завернутые в бизонью шкуру спят последним сном кости старца, великого, Стоящего Всю Ночь.

Медвежонок знал, что так будет, и все же, когда увидел, что это так, тяжело у него стало на

сердце.

Он поехал в деревню, и у первого жилища вышел вперед мужчина, который был немолод, и левая рука у него была сухая, но глаза и лицо исполнены силы. Мужчина поднял вверх правую руку. Он заговорил как шайен с шайеном, прямо и учтиво:

— Мой друг, меня зовут Белый Волк.

— Мой друг, меня зовут Медвежонок.

— Добро пожаловать, Медвежонок. Чем я могу помочь тебе?

— Я задумал на некоторое время остановиться в этой деревне.

— Я рад. Ты разделишь мой кров.

— Я очень рад. Я буду охотиться для тебя. Я добуду тебе много мяса.

— В мясе нет нужды. Ты окажешь честь моему жилищу.

Они сели рядом на землю, скрестив ноги, курили трубку и передавали ее друг другу, как велит обычай. Между ними было то уважение, что испытывает мужчина к мужчине. Белый Волк попыхивал доброй трубкой. Он вынул ее изо рта.

— Мой друг, весть о твоих странствиях дошла даже сюда. Отчего ты едешь из деревни в деревню?

Медвежонок взял трубку, попыхивал ею в молчанье. Он искал слов, которые, ничего не объясняя, были бы ответом; не мог он ни с кем говорить о том, что у него на сердце.

К ручью, что тек поблизости, шли за водой женщины из этой деревни, собираясь готовить к вечеру ужин. Они несли миски, смеялись и разговаривали между собой. И среди них была одна, молодая, но женственная, хоть не красавица, но в лице ее читались ум и понимание. Сердце Медвежонка подскочило, дыхание участилось.

— Мой друг, кто это?

Глаза Белого Волка засияли. На свой вопрос он получил еще один вопрос, который все же был ответом. Он взял трубку и затянулся дымом. Выпустил дым через нос.

— Ее зовут Пятнистая Черепаха.

— Она замужем?

— Она живет в семье Желтой Луны.

Сердце Медвежонка упало. Голова опустилась так, что подбородок коснулся груди. Но глаза Белого Волка блеснули сильнее прежнего.

— Мой друг. Желтая Луна — ей брат. В жилище Белого Волка стало много мяса. Даже когда его левая рука была здорова и не замерзла еще во время великой метели, не было у него столько мяса. Мяса хватало, чтобы раздать тем, кто, возвращаясь с охоты, всегда делился мясом, зная, что Белый Волк больше не может сам охотиться. Мяса хватало и для того, чтобы пригласить друзей на празднество. Он гордился, что под его кровом остановился Медвежонок, не такой, как все, странный, но сильный охотник, который трех бизонов убил в этот день, трех за один раз, и не стрелой, а копьем, и те, кто охотился там, говорили, что на его губах был смех, когда, подавшись вперед на пятнистом пони, вонзал он копьё прямо в средостение жизни бизона.

Старый деревенский глашатай огласил имена. Друзья Белого Волка собрались на празднество. Но когда пошли громкие разговоры и приступили к еде, Медвежонка не было в вигваме. Он стоял в сумерках у жилища Желтой Луны. Он ждал, как положено молодому человеку, пока не выйдет за дровами или за водой девушка, за которой он собирается ухаживать; тогда он дернет за край ее одежды, чтобы привлечь внимание и узнать, станет ли девушка разговаривать с ним. Ему, сильному охотнику, было страшно. Застенчивый, странный, не такой, как все, он боялся.

Из жилища вышла женщина. Это была жена Желтой Луны. Она в сумерках заметила Медвежонка, может быть, улыбнулась про себя, вспоминая, как ее дожидались когда-то в сумерках молодые люди. Словно не замечая его, пошла по тропинке к ручью, потом возвратилась в жилище. Он ждал, и ему было еще страшнее. Вышла другая, помоложе, по летам почти что девочка и все же очень женственная. Пятнистая Черепаха. Она не смотрела в его сторону. Но, направляясь к ручью, прошла очень близко. Он протянул руку и дернул за край одежды.

Она остановилась, обернулась к нему. Он заговорил с трудом.

— Пятнистая Черепаха, — сказал он. — О Пятнистая Черепаха.

Она улыбнулась ему:

— Да, меня зовут Пятнистая Черепаха.

— Меня зовут Медвежонок.

— Я слышала. Я видела. — В сгущающихся сумерках она пристальнее посмотрела на него, и глаза расширились от изумленья. — Ты тот малыш, у кого луна в глазах. — Пораженный ее словами, он не мог говорить, и она заметила это по его лицу и опять улыбнулась ему. — Я видела тебя. Ты видел меня и не видел меня. Твои глаза были открыты только для старца. Я слышала, что говорил ты и что говорил он. Я та правнучка, что готовила ему похлебку. — Но удивление все не покидало его. Ее лицо опечалилось, и она заговорила опять. — Через семь дней после того, как ты уехал, он умер. Ночью начал метаться и кричать в большой тревоге, что подвел тебя. Он упал на спину, и в нем не осталось жизни.

Медвежонку больше не было страшно. Он мужчина и может говорить.

— О Пятнистая Черепаха, он не подвел меня. Ни в чем не подвел меня. — И тут слова хлынули потоком: — Я видел тебя. Я не знал, но я видел тебя. Через мои глаза ты проникла в мое сердце. Ты жила у меня в душе. Ты звала меня ночью во сне...

Теперь испугалась она. Молодые люди, в сумерках поджидавшие девушек, не говорили так, даже спустя много вечеров после первой встречи. Соблюдая обычай, они говорили лишь как друзья, о вещах, не касавшихся их лично, — о том, что случилось в деревне или на охоте, чтобы чувства, не называемые словами, росли постепенно, на протяжении многих недель или, возможно, многих месяцев. Она хотела уйти, но Медвежонок вцепился в ее одежду и не отпускал. Он все еще был под сильным впечатлением чуда, которое совершил старец даже после смерти, и слова рвались безудержно:

— Я не мальчик, чтобы стоять вечер за вечером в ожиданье, не давая исхода словам, что скопились в моем сердце. Четыре времени года искал я тебя по всему племени, и место, которое принадлежит мне, ожидает нас.

Она выдернула одежду из его руки и пошла в жилище. У входа остановилась и обернулась. В ее лице, наполовину освещенном светом очага, не было гнева. Оно было нежным, женственным и немножко испуганным.

Медвежонок стоял во мгле, и ему было стыдно. Лишь поздно ночью он тихонько скользнул на свое ложе в жилище Белого Волка...

Обычаи. Есть обычаи, которые соединяют навсегда и повсеместно. Есть обычаи трапезы, сна и одежды, охоты и тропы войны, обычаи, как говорить мужчине с женщиной и мужчине с женщиной, обычаи заключения брака и соединения двух в одно ради начала новой семьи. Это хорошие обычаи. Благодаря им повседневное существование обретает основу, а жизнь — смысл. Но иногда они кажутся бессмысленными человеку странному, не такому, как все. Кто он, чтобы решать, которые из них хороши, которые — глупы? Кто он, чтобы думать, что их надо отбросить ради утоления его желаний?

— Мой друг, не пойдешь ли ты в жилище Желтой Луны и не поговоришь ли за меня согласно обычаю? Не скажешь ли ты, что я хочу взять в жены его сестру?

— Какие подарки ты пошлешь со мной? Желтая Лупа — сильный охотник. Сестра дорога его сердцу. Много молодых людей поджидало ее вечерними сумерками, но она не посмотрела на них благосклонно.

— У меня нет подарков.

— Разве у тебя нет семьи, нет родных, чтобы они вместе собрали тебе подарки? На запад отсюда есть маленькая деревня, и в этой деревне есть человек по имени Сильная Левая Рука. Он отдаст много лошадей, и много доброго оружия, и много чудесных одеяний ради своего приемного сына, так же как ради собственных сыновей, ибо он человек справедливый. У него два сына, оба храбрые воины. Они пойдут тропой войны и будут неутомимы в пути ради того, чтоб добыть лошадей для своего названного брата, который рос вместе с ними и делил с ними тепло очага. Но Сильная Левая Рука — не родной отец. Его сыновья — не родные братья. Отчего же должен человек брать у других то, что не сможет вернуть, когда придет нужда?..

— Все равно нет у меня подарков.

— Но должны быть подарки. Я дам тебе, что смогу. Я поговорю с родственниками.

— Ты не отец мне. Мой отец умер. Я взял бы лишь у родного отца.

— Но должны быть подарки, вещи, которые служили бы знаком.

— У меня есть пятнистый пони. У меня есть копье, и его острие смерти — нож с железным лезвием, который знал руку старца, ее прадеда, Стоящего Всю Ночь.

— Лучше вовсе не ходить, нежели ходить с одним пони и с одним копьем, пусть даже с таким.

— Мой друг, я прошу об этом, как один мужчина просит другого, с кем делит кров.

— Много ли удач на твоём счету?

— Когда у меня не было лошади, а кость правой ноги была сломана, то, пользуясь копьем как палкой для ходьбы, я убил старого быка, предводителя стада.

— Это хорошо.

— Катаясь по земле, я держал нож в руке, и огромные когти терзали мое тело, и я убил кугуара, того, что пьет кровь в горах.

— Это очень хорошо. А есть ли на твоём счету удачи, добытые над врагами твоего племени?

— На моем счету нет таких удач.

Безусловно, это странный человек, у которого есть цель, но нет средств для достижения этой цели. Он не ищет чести, как должны искать чести все мужчины. Надо, чтобы он остался здесь и скопил богатство. Женщины моей семьи сошьют для него одеяние из шкур бизонов, которых он убьет. Надо, чтобы он пошел тропой войны и привел лошадей. На все это есть время. К чему спешить?.. И все же... Он сильный охотник. В нашем жилище больше мяса, чем когда-либо прежде. Мы свободно раздаем его. И в этом страннике есть какое-то притягательное спокойствие. Когда он курит и передает трубку, с ней передается и глубокое уважение мужчины к мужчине. Девушка посмотрела на него с благосклонностью. Вся деревня знает — вся деревня всегда знает все — он четыре раза дергал за край ее одежды и четыре раза она ненадолго останавливалась, чтобы поговорить с ним. Может, не такой, как все, и судьбу имеет не такую, как все...

— Мой друг, я пойду и буду говорить за тебя.

Белый Волк вел пятнистого пони, а в сухой левой руке держал копье. Он привязал пони перед жилищем Желтой Луны, воткнул копье острием в землю и ушел.

Жена Желтой Луны, стоя у входа, кликнула, и дети сбежались к ней. Она сказала что-то, и они бросились врассыпную в другие жилища, а некоторые бежали за деревню искать мужчин, которых не было дома. Она развела чуть в сторонке костер и принялась готовить пищу.

В жилище собрались родственники Желтой Луны и его жены. Они ели, и беседовали, и думали, и опять беседовали. Всю остальную часть дня они так и ели, и думали, и беседовали вместе. Наконец заговорил Желтая Луна, другие молча слушали.

Он окончил. Отец его жены поднялся и вышел. Отвязал пони. Выдернул копье из земли. Погнал пони перед собой к жилищу Белого Волка. Положил копье на землю и пошел прочь. Он принес известие: свадьбы не будет.

Отец жены Желтой Луны остановился и снова повернул. Он шел по деревне как человек, который наслаждается вечерним воздухом. Свернул к жилищу Белого Волка как человек, который только что вспомнил, что тут живет его приятель. Вошел и сделал шаг вправо. Сейчас он не посланец, а гость, зашел потолковать, обменяться деревенскими новостями.

Белый Волк сидел на своем ложе. Медвежонок сидел на своем ложе справа, упираясь подбородком в грудь. Тесть Желтой Луны не смотрел на Медвежонка, сидя на том месте, которое указал ему слева от себя Белый Волк, который набил трубку, зажег, попыхал и передал ему. Гость закурил, потом сказал:

— Человек, которого зовут Желтая Луна и который приходится мужем моей дочери и братом той, что зовется Пятнистой Черепахой, много говорил сегодня в своем жилище. С того времени, как две весны тому назад умер его отец, он один отвечает за сестру. Даже и до того было его делом выдать ее замуж, таково согласное обычаю поручение отца — в награду, когда он впервые добился удачи. Он видел на охоте того, кто зовется Медвежонком, и склоняет голову в честь такой охоты. Но он не опозорит свою сестру, выдав замуж без подарков, которые надлежит выложить перед близкими ей по крови и по свойству, чтоб они могли выбрать. — Гость курил и продолжал: — И еще. Мужчина, который не добыл себе удачу, сражаясь с врагами своего народа, еще не настоящий мужчина. Он все еще мальчик, и годы ничего не меняют. Так гласит старая пословица нашего племени. Это добрая пословица. Тот, кто друг человеку, что зовется Медвежонком, должен сказать ему, чтоб он пошел тропой войны, и добыл много удач, и угнал много лошадей, и стал мужчиной...

Неужели то, что добудешь удачу над врагами твоего народа, даже если они далеко и не угрожают племени, превратит тебя в мужчину? Неужели угон лошадей обернет мальчика в

воина, способного содержать собственное жилище и женщину? Неужели необходимо пойти против того, что живет в сердце, ради того, чтобы обрести нечто другое, что также живет в нем?

Он грустно сидит, скрестив ноги, в траве, и луна светит ему в глаза. Разум борется сам с собой и бьется о кости лба. Легкие ветерки шелестят в траве, и здешние Майюны шепчутся в них. Он их не слышит. Они загудели громче и заставили его слушать.

— Маленький брат, твои глаза были устремлены на мать Пятнистой Черепахи, когда она отправилась за дровами. И все же ты по-настоящему не видел ее...

— Мой друг, отчего мать Пятнистой Черепахи коротко стрижет волосы и ходит на улице босая и ноги ее всегда покрыты свежими ранами? Прошло дважды по четыре времени года с тех пор, как отец Пятнистой Черепахи попал на тропу, где все следы ведут в одну сторону, а она все носит траур?

— Она носит траур потому, что дух ее мужа не попал на эту тропу, а бродит, заблудившись в далекой стране, где его держат кости, оставленные без погребения.

— Его захватили враги?

— Нет. Тогда бы он умер в почете, и Химмавихийо показал бы ему дорогу. Враги ранили его, но захватили злые духи. Он шел с боевым отрядом в край кроу набрать много лошадей. Отряд обнаружили, началась схватка, и врагов было чересчур много. Пришлось бежать только на своих лошадях. Враги преградили им путь в наши края, отряд свернул к северу, и враги преследовали их. Заехали в одно поганое место, где земля поднимается высоко и круто, принимает странные очертания, которые пугают разум, — там обитают духи, что злом превосходят всех. Осталось спешиться и вести лошадей. У него в бедре застряла стрела, и он не мог крепко ступать. Демоны этого места пометили его: заставили споткнуться, схватили, перетащили через край утеса и сбросили на камни. Остальные звали его, но он не откликнулся. Только демоны завывали в ответ, и враги были близко. Отряд проскользнул мимо врагов, обойдя их, и спасся бегством. Теперь кости этого человека лежат там непогребенные. Там не было никого, чтобы хотя бы положить тело головой на восток, сложить руки, прикрыть покрывалом, чтоб его дух мог обрести покой и выйти на правильный путь.

— И никто не ходил, чтоб добыть его кости?

— Никто не ходил.

— Желтая Луна — превосходный охотник. Неужели Желтая Луна не ходил?

— Ни один человек не пойдет. Это никому не под силу. Путь проходит по земле, где много врагов. Кости лежат там, где их цепко охраняют злые духи. — Мой друг, как узнать это место?

Медвежонок взял с собой копье, мешочек с пеммиканом и пустой мешок, сделанный из старой кожи для обтяжки вигвама. Он шел пешком. Лошадь весит много, и копыта оставляют четкие следы, которые не скрыть иначе как на твердом камне или на дне потока; пеший человек может выбрать любой путь, и его следы скоро поглотит упругий дерн. Три дня он находится в земле кроу, пересекая ее, а они того не знают. Он держался низин между наплывающими одна за другой грядками гор, а когда приходилось пересекать гряды, шел медленно, часто пробирался, извиваясь на животе, словно змея. Завидев бизонов, непременно избегал их, потому что поблизости могли оказаться охотничьи отряды. Дважды сделал крюк, стороной обходя становища. На четвертый день он увидел то место, где, говорили, обитают духи, что злом превосходят всех, — впереди внезапно поднялись на равнине крутые холмы чудовищных очертаний, иссеченные непогодой. И на четвертый же

день его увидел отряд охотников кроу.

Их было девять, верхом на быстрых пони. Они рассыпались по равнине в поисках бизонов. Самый ближний увидел Медвежонок на фоне неба, когда он, остановившись на верху последней, самой высокой гряды и впервые взирая на дурное место, открывшееся перед ним, забыл об осторожности и стоял во весь рост. Этот первый повернул и помчался сообщить остальным. Медвежонок услышал топот копыт, который донес к нему ветер, пригнулся, чтобы не выделяться на фоне неба, и побежал. Он бежал прямо в страшное место, где невозможно следовать на лошадях, а одинокий человек может, прячась и изворачиваясь среди торчащих утесов, найти не одну пещеру или щель, чтоб укрыться.

Ему предстояло немало пройти, чуть не милю, но кроу были очень осторожны и не спешили за ним. Они не знали, что он один. Не знали, не разведчик ли он, высланный каким-то отважным боевым отрядом. Они медленно приближались, готовые — по обстановке — к нападению и к бегству, и внимательно осматривали все вокруг. А он уходил вперед, и они не могли его видеть. Ему попала узкая глубокая лощина, которая, извиваясь, забирала вправо; он прыгнул в нее и, пригибаясь, быстро побежал. Они осмотрели землю, нашли его следы, так как, убегая, он не мог выбрать себе путь. Тут и там среди трав попадались еле заметные отпечатки мокасин. Кроу искали еще и не обнаружили других следов. Они вглядывались в даль, во все стороны. Видимо, не было там боевого отряда. А только следы, оставленные одним человеком. Они ринулись по его еле заметным следам.

Кроу вновь потеряли время, достигнув лощины. Второпях проскочили вперед — лошади с ходу перемахивали через нее.

Они остановились и вновь принялись осматривать землю. Один спешился, прыгнул в лощину и увидел на дне следы на песке. С криком помчались они вдоль ее извилистого края. Но к тому времени Медвежонок снова был далеко впереди. Он уже выбрался из лощины и ползком через травы пробирался к поганому месту, которое теперь находилось от него всего лишь в четверти мили. Он слышал их крики, разносимые ветром. Он полз как змея и лежал, распластавшись в траве, и они, двигаясь по лощине, проскочили мимо, скрылись из виду, а он вскочил и побежал изо всей мочи, подпрыгивая и с трудом переводя подолгу задерживаемое дыхание, и то, что ноги коротки, наполняло его печалью.

Перед ним вздымались скалы, позади он слышал крики, Кроу повернули назад, увидели его и знали теперь наверняка, что это враг и что он один. Они ударили пятками по бокам пони, пригнулись к их шеям и припустили за ним. Он еле успел добраться до скал и стал карабкаться, подпрыгивая и извиваясь, пробирался лабиринтами и больше не мог прыгать — остановился, припав спиной к отесанному непогодой каменному столбу и выставил наготове копье. Не донеслось ни звука со стороны врагов, которые бы карабкались вслед за ним. Только глухое, ни на миг не прерываемое стенание ветра, что проносился над равниной и без конца вгрызался в утесы.

Он крадучись пробрался к вершине выветрившегося утеса и посмотрел вниз, назад, в ту сторону, откуда пришел. Увидел их — на равнине, у подножия. Они кружили на своих пони, посматривали вверх на кручи и переговаривались, стараясь держаться подальше. Они не желали спешиваться и уехали прочь.

Долго наблюдал он с этой высокой точки — они не показались. Исчезли. Перед ним простиралось безбрежное пустое пространство, за спиной вздымались причудливые громады того места, что должно быть очень поганим, раз те, в чьих землях они поднялись, боятся сюда войти.

Солнце клонилось к закату. Нужно спешить, а то настигнет ночь и те безымянные, что обитают здесь во мраке. Он, должно быть, недалеко от того места, которое ищет, потому что

отряд, с которым двигался отец. Пятнистой Черепахи, приходил с этой стороны и не углублялся в горы. Слева Медвежонок заметил две высоченные каменные колонны, широкие у основания и сужавшиеся кверху, остроконечные и чуть изогнутые наподобие рогов гигантского бизона. За ними открылась каменная округлость, горбатившаяся словно спина этого гигантского бизона. Все так, как ему сказали. Меж рогов и горба — то место, где демоны схватили раненого воина, перетащили на край утеса и сбросили вниз на камни.

Идти в свете косых лучей клонившегося долу солнца, пробивавшихся через каменные громады и их тени, не составляло труда. Дорога мимо рогов шла по камням и колдобинам, а за ними с одной стороны скоро брала круто вниз, где открывалась отвесная пропасть. Легко споткнуться здесь, и в темноте не будет надежды спастись от демонов, удержаться на ногах.

Он сполз по крутому спуску на край пропасти, заглянул в нее. Она неглубока, не более тридцати футов, склоны испещрены множеством мелких уступов: много тут мест, где удобно поставить ногу. По сравнению с его каньоном, суцая чепуха. Пропасть не замкнута, как его каньон, виден проход, соединяющий ее с другой, еще большей пропастью. Он обследовал взглядом всю окрестность. Нигде ни признаков рваной одежды, ни белизны обмытых дождями костей. Положил на вершину утеса копье и мешочек с пеммиканом, спустился ниже, легко переходя с уступа на уступ. Быстро принялся за свои поиски на дне пропасти, переходя от расщелины к расщелине, среди кустов. Ничего. Он спешил, двигаясь среди сгущавшихся теней; там, на равнине, настали сумерки, но тут, в этом

поганом месте, настала ночь, стремительно окутавшая все единым покровом.

В первый миг он испугался. Страх погнал его вверх. Страх остановил его на полпути, где оказался выступ, достаточно широкий, чтобы человек мог сидеть или даже лежать, не опасаясь свалиться. Самое надежное место. Здесь тебя трудно достать кому бы то ни было — что сверху, что снизу. И здешние демоны, выходя глотнуть ночного воздуха, могут не заметить его, примостившегося у самого склона. Он сидел, скрестив ноги, и спина его покоилась, упиравшись в камень, и он боролся со страхом...

Ветер, что дул над равниной, беспрерывно стенал и становился сильнее, высыпал сквозняки по расщелинам утесов, и те глухо посмеивались меж собой. И духи этого места вышли, как туман, из своих горных жилищ и плавали в воздухе, поглощая его прохладную тьму, и, уцепившись за ветер, мчали вместе с ним. Это не были демоны. Это были Майюны, и их голоса напоминали голоса Майюнов каменистых круч его каньона.

— Маленький брат, — сказали они, — нашел ли ты кости воина, которые ищешь? — Они удалились за ветром и, кружа в таинственном танце, примчали назад. — Маленький брат, погоди, куда луна не поговорит с тобой.

Взошла золотистая луна, но свет ее был серебрист. Она осветила противоположный край пропасти. Мягкое сияние скользило вниз по камню и нежно коснулось зиявшей впадины у подножия. Эта впадина не видна с вершины из-за нависшего выступа, не видна снизу из-за густых кустов. Она стала видна с середины спуска, когда в пропасть скользнули лунные лучи. Укромное место, куда волк мог затащить мертвого воина, чтобы с наслаждением отведать его плоти. Ночной свет нежно струился на бледную белизну костей...

В темноте, наступившей после захода луны, Медвежонок выбрался из отрогов круто вздымающихся скал на открытую равнину. Он нес копье, мешочек с пеммиканом и мешок, сделанный из старой шкуры для обтяжки вигвама. Мешочек с пеммиканом был почти пуст, зато мешок из старой шкуры был тяжел — в нем находились останки воина-шайена, пролежавшие без погребения в землях кроу. Медвежонок двигался осторожно, потому что как раз тут за ним погнался отряд охотников, а кроу — хитрые, не знающие жалости враги. Он прошел немного, опять прислушался. Ни звука. Нашел небольшой камень, величиной с кулак,

бросил как можно дальше и услышал, как тот приземлился, глухо ударившись о дерн. Ухнула степная сова неподалеку от того места, где упал камень, и другая ответила ей с другой стороны, потом еще одна вдалеке и еще одна. В тот же миг он повернулся и побежал. Он снова бежал к круто вздымавшимся скалам, позади слышался топот множества бегущих за ним в погону. Он добежал до утесов и, подпрыгивая, изо всей мочи карабкался вверх и слышал топот совсем близко. Сейчас, оказавшись рядом, ему не дадут ускользнуть. Мешок был тяжел, и Медвежонок застонал, проклиная свои короткие ноги. Его настигали. В отчаянии он прыгнул, споткнулся, упал, мешок выскользнул из рук, копьё прогрохотало вниз; он покатился, но сумел уцепиться и быстро заполз в провал.

Он слышал, как они искали, шарили в расселинах копиями и приближались к нему. Он вспомнил: шайен не умирает как суслик, съездившийся от ужаса в норе. Шайен умирает в сражении, повернувшись лицом к врагу, с которым он бьется.

И еще вспомнил, что наказывал ему отец. Пусть ноги короткие, как у барсука, и не годятся для быстрого бега, но он много недель карабкался по отвесным скалам, и руки налились силой гризли.

Кроу подошли почти вплотную. Он выскочил им навстречу. В его руках была сила большого медведя, на губах — смех его храброго отца.

— О Майюны этих скал, — воскликнул он, — поборемся! — Он отмахнулся от копья первого из врагов, словно то была в руках ребенка игрушечная палочка для добывания огня. Он схватил первого из врагов, оторвал от земли и с силой швырнул в остальных, и те бросились врассыпную, а он подскочил и ударил одного справа и одного слева и отскочил назад, дожидаясь их приближения.

Но они не приближались.

В темноте они пребывали в замешательстве и в испуге. Переговаривались между собой: «Этот, — говорили они, — что смеется, когда он один в окружении многих». Они отступили. «Этот, — говорили они, — что призывает духов сражаться вместе с ним». Они отступили еще дальше. «Это демон, — говорили они, — что принял облик врага, чтоб заманить нас в поганое место, навстречу смерти». Они повернулись, и бежали, и остановились лишь у своих лошадей, привязанных к колышкам в лощине. Сели и быстро умчались прочь, и пока они ехали, повесть, которую они расскажут об этих событиях, разрасталась у них в голове.

Медвежонок пришел в деревню с запада; солнце позади него устраивалось поближе к горизонту. Он был утомлен, и мешок из старой шкуры был очень тяжел. Медвежонок не стал обходить деревню, чтоб появиться через вход на востоке. Он прямо ступил на простор центрального круга. Не глядя по сторонам, прошел он мимо жилища Желтой Луны, не повернул головы, чтоб увидеть Пятнистую Черепаху, которая, стоя у входа, пристально смотрела на него. Прошел мимо священных вигвамов зачарованных стрел и бизоньей шапки. Он направлялся прямо к жилищу Белого Волка.

Там его встретила тишина. Он повесил копьё на кожаном ремне на один из шестов. Положил мешок. Жена Белого Волка взяла кухонную утварь и вышла. Белый Волк видел, как Медвежонок приближался, — трубка была готова. Они сели бок о бок. Передавали трубку друг другу.

— Мой друг, не поговоришь ли ты за меня еще раз? Мои подарки — в этом мешке.

Донеслись громкие причитания — мать Желтой Луны и Пятнистой Черепахи оплакивала останки мужа, и пришли другие женщины и причитали вместе с ней, совершая приготовления к похоронам. Разложили кости как нужно на прекрасном покрывале из бизоньих шкур. Поверх расстелили прекраснейшие из одежд. Сложили покрывало, так что получился длинный

сверток, и перевязали веревками. Вынесли сверток из жилища и укрепили на волокуше из жердей, в которую была впряжена прекрасная лошадь.

В вечерних сумерках тронулось шествие из деревни, отправились все, кто мог идти. Мать Желтой Луны и Пятнистой Черепахи вела лошадь с волокушей. Следом шел Желтая Луна и нес любимое оружие отца. Рядом с ним Пятнистая Черепаха несла трубки, которые отец любил больше всего, и кiset душистого табака, смешанного с толченой корой красной ивы. Позади шли жители деревни, и среди них, уже повторяя про себя слова, старик, которого позвали, чтобы петь погребальную песнь. То будет одна из старинных погребальных песен, дошедшая от предков, и он особо помянет человека, которого хоронят. А позади всех, держась, как и подобает гостю, чуть в отдалении, шагал Медвежонок. Он шел торжественно, прямо перед собой держа копье, как и подобает воину, когда он идет на похороны другого храброго воина.

Почти весь день жена Белого Волка и ее замужняя дочь и члены ее содружества швей трудились в жилище, трудились упорно, потому что времени было в обрез. Одна ночь прошла с тех пор, как подарки, странные подарки странного человека, но такие, что дали деревне основания для прекрасной повести, были отнесены в жилище Желтой Луны. Ответ должен быть дан до истечения другой ночи — таков обычай. Каков будет ответ, сомнений не вызывало. Подарки приняты.

Белый Волк и Медвежонок сидели, скрестив ноги, перед жилищем, где жили под одним кровом, и передавали друг другу трубку. Деревня была охвачена великим волнением, люди бродили из стороны в сторону, вода лошадей из конца в конец, стоял шум и смех, но оба не обращали на это никакого внимания.

Волнение нарастало, крики становились громче, а потом пришла тишина. Через круг в центре деревни двигалось шествие от жилища Желтой Луны, где он сам сидел в одиночестве на своем ложе, и, оттого что отец теперь шел тропой, где все следы ведут в одну сторону, грудь его преисполнилась покоем, а голова — гордостью за то, что сделал он для своей сестры, дорогой его сердцу. Шествие возглавлял тесть Желтой Луны. Он шагал, высоко подняв голову, ибо ему предстояло сказать прекрасные слова. За ним следовала Пятнистая Черепаха. На ней были новые одежды из мягкой оленьей кожи, с бусинами из ярких камешков, собранных у реки, что зовется Ниобрэра, и с окрашенными в разные цвета иглами дикобраза. Она ехала на прекрасной лошади, которую, как и положено, вела женщина, не приходившаяся ей родней. Другие женщины несли охапки превосходных одежд из шкуры бизона и надежное оружие. А за ними — еще женщины, которые вели на плетеных уздечках из прочной сыромятной кожи много прекрасных лошадей, целых пятнадцать, вороных, и светло-гнедых, и темно-гнедых, и в белых яблоках. А за ними — другие жители деревни, которые рассыпались веером, когда шествие остановилось перед Белым Волком и Медвежонок, и среди людей, рассыпавшихся веером, мать Пятнистой Черепахи, чьи ноги больше не были босы. Под кожаными чулками их не покрывали раны. Она не протискивалась вперед. Она закрыла подбородком лицо, кроме глаз. Нельзя, чтобы новый зять до срока смотрел прямо в лицо матери жены или говорил с ней, пока они не обменяются после свадьбы особыми подарками. Так требует обычай.

Тесть Желтой Луны выступил вперед. Он не обращался к Медвежонок — только к Белому Волку.

— Вот что говорит Желтая Луна: даже если бы он послал всех лошадей, что бродят по широкой равнине до края земли, даже если б он послал столько оружия и столько одежды, что они заполнили бы священный вигвам, он не смог бы сравниться с дарами, которые получил. Но он делает то, что в его силах. Когда завтра взойдет солнце, для человека по имени Медвежонок и для женщины, что ему жена, будет поставлено жилище из новых бизоньих шкур. В нем будет все необходимое. Женщина, что будет вручена ему, здесь.

С ней — все эти одежды, и оружие, и лошади. Так сказал Желтая Луна.

Жена Белого Волка и ее замужняя дочь расстелили на земле покрывало, сняли Пятнистую Черепаху с лошади и посадили посередине покрывала. Вперед протиснулись молодые люди деревни. Они боролись за честь нести покрывало. Они подняли покрывало с сидевшей на нем Пятнистой Черепахой, внесли в жилище, бережно опустили на пол и вышли. Жена Белого Волка и ее замужняя дочь вернулись в жилище, взяли за руки Пятнистую Черепаху, подняли ее на ноги и отвели в дальний конец жилища. Она не шевельнулась, пока они забирали одежду, что была на ней. Они надели на нее новую одежду, которую для того сшили. Расплели ей волосы, расчесали и вновь заплели. Надели на нее новые украшения, кольца — на пальцы, в уши — унизанные бусинами круглые серьги.

Вблизи прыгала, смеялась, шутила молодежь. Люди постарше наблюдали, что же станет делать Медвежонок с подарками, разложенными перед ним. Он встал, вытянувшись во весь рост, насколько позволяли короткие, словно у барсука, ноги. Посмотрел на подарки и преисполнился большой гордости. Посмотрел на Белого Волка и заговорил:

— Мой друг, в этом ты был для меня что отец. Твоя жена — что мать. Твоя дочь — что сестра. Эти подарки — твои. — Люди зашумели: правильно поступил Медвежонок, ибо Белый Волк для него что отец; поступил и великодушно, ибо Белый Волк не был ему родным отцом. Белый Волк, вызвав из жилища свою жену и дочь, и из толпы вызвав мужа дочери, и родителей мужа дочери, и старика, что приходился ему двоюродным братом, велел им выбирать, и они разделили подарки согласно обычаю. И Пятнистая Черепаха слышала это, и ее сердце наполнилось счастьем оттого, что ее муж не только смел, но и щедр...

Угощение было готово. Пятнистая Черепаха все еще сидела в дальнем конце жилища, рядом с ней — Медвежонок. Жена Белого Волка поставила перед ними миски с угощением. Она нарезала пищу для Пятнистой Черепахи небольшими кусочками, чтобы Пятнистой Черепахе не надо было прилагать никаких усилий. В эту ночь она не должна утруждаться.

Много приготовлено угощений. Так нужно. Пришли гости, молодые люди деревни. Сначала — один, потом — другой, потом — еще один, стало тесно. Они ели угощение. Смеялись, шутили и говорили громкими голосами, показывая Медвежонку, что они его друзья и рады, что он получил ту женщину, которую хотел. Некоторые из них могли даже остаться на всю ночь и спать тут. Но Белый Волк — опытный человек. Когда угощение было съедено и разговоры поухли, он встал.

— Мои друзья, — сказал он. — Меня печалит, что мое жилище невелико. Я не могу предложить вам ложа. — Лицо его было печально, но глаза сияли и искрились, и молодые люди поняли. Они могут остаться и спать на земле и присутствовать утром за угощением, которое будет первым, что приготовит Пятнистая Черепаха в качестве жены, и все это будет согласно обычаю. Но они поняли. Они тоже встали. Они еще больше смеялись и подталкивали друг друга локтями, искоса поглядывая на Медвежонка и Пятнистую Черепаху. Смеясь и толкаясь, они вышли. Это были хорошие молодые люди. Хорошие друзья.

Белый Волк обратился тогда к жене.

— Жена моя, — сказал он, — давно уже мы не бродили в ночи, вспоминая то время, когда мы были молоды и моя левая рука была, как у других. — Он пошел к выходу и обернулся.

Слова прихлынули к губам Медвежонка:

— О Белый Волк, теперь я должен охотиться для Желтой Луны и для жилища, которое станет моим. Но четверть каждого бизона, которого я убью, — твоя. И заговорил Белый Волк:

— В мясе нет нужды. Ты оказал честь моему жилищу. — Он вышел в ночь, и жена его

последовала за ним, у выхода остановилась и отвязала кусок кожи, занавешивающий вход, та опустилась.

Медвежонок и Пятнистая Черепаха остались одни. Они не могли смотреть друг на друга. Он встал и небольшой палкой помешал в огне. Он стеснялся, и снова боялся, и не знал, что сказать. Медвежонок лег на ложе, застланное новым покрывалом. Повернув голову, он увидел ее в глубине. Она стояла и укладывала свою одежду. Она тоже стеснялась, и боялась, и не могла говорить. В свете костра она казалось ему прекрасной, сердце сильно забилось у него в груди. Он посмотрел — на ней был защитный пояс, такой надевают по ночам все незамужние женщины, когда они отправляются из дому. Такой пояс носят все достойные женщины, когда их мужья уходят из родной деревни, — он означает, что ни один мужчина, достойный быть членом племени, не станет приближаться к ним, как не положено. Тоненькая витая веревка охватывает талию и завязывается спереди узлом, оба конца опускаются вниз и, обкрутившись вокруг бедер, завязываются вокруг колена. Новобрачная может носить такой пояс даже со своим мужем на протяжении десяти дней после свадьбы, и ее муж, если он хороший муж, все это время будет почитать обычай. Такой пояс был на Пятнистой Черепахе. Ее руки замерли на узле. Она посмотрела на Медвежонка, и мысли ясно отразились на ее лице. Она была вправе решать теперь, что делать, и все же не хотела воспользоваться своим правом. Она стеснялась, и боялась, и все же предоставила решение ему. Она казалась ему очень красивой, и Медвежонок собрал силы, чтобы заговорить.

— О Пятнистая Черепаха. Этого нового я боюсь так же, как и ты. Довольно того, что ты ляжешь рядом со мной, и мы привыкнем быть ночью рядом.

Она подошла к ложу и легла рядом с ним, и Медвежонок натянул новое покрывало. Он обнял ее и лежал неподвижно. Понемногу напряжение покинуло ее тело, она успокоилась и притихла рядом с ним. Их голоса звучали тихо, когда они переговаривались в темноте, в том новом ощущении, которое давало пребывание вместе.

Шла третья ночь в их собственном жилище, четвертая ночь после свадьбы. Медвежонок хорошо поохотился и послал много мяса теще и жене Белого Волка. Теперь он лежал на ложе и смотрел на жену. Она приготовила много тушеного мяса с диким картофелем и репой. Желтая Луна отужинал с ними и сказал, что еда удалась. Теперь Пятнистая Черепаха готовилась ко сну. Она держала защитный пояс в руке. Тот выскользнул из ее пальцев и упал на пол. Она подошла к ложу и стала рядом.

— Таково мое желание, — сказала она.

Он охотился. Такой охоты не видывали в деревне. Он смеялся и кричал. Никогда мужчина не смеялся веселее и не кричал громче, оттого что жизнь плескалась в его жилах. Он боролся с другими мужчинами, твердо стоя на коротких ногах и напрягая все силы в руках, и ни один мужчина не мог его одолеть. Когда в деревне устраивали скачки, он ехал на своем пятнистом пони. Никогда мужчина не ездил так бесшабашно, не заботясь, проиграет он или победит, лишь бы ветер хлестал в лицо и жена смотрела на него. Он охотился, и смеялся, и играл, и любил, и жизнь была прекрасна.

Но жизнь состоит не из одной лишь охоты, смеха, игры и любви...

Старый глашатай выкрикивал имена. Имя Медвежонка прозвучало среди них. В назначенное время вошел он в жилище Желтой Луны. На нем была прекрасная рубаха, которую сшила мать Желтой Луны, приходившаяся ему тещей, и которую он принял по обряду очищения дымом душистых трав. Но на губах его не было смеха. Он сел на указанное место. Первое слева от Желтой Луны. Самое почетное. Ему поднесли угощение, и он ел как все. Он закончил, кончили и они. И вытерли руки.

Желтая Луна достает ритуальную трубку. Он набивает ее табаком, хорошо смешанным с

толченой корой красной ивы. Сверху присыпает табак толченым кизяком — таков обычай его клана.

— Друзья, мой отец умер в земле кроу. Военный отряд, который он повел туда, не добыл лошадей. Я задумал теперь повести военный отряд против кроу и взять много лошадей. Я спрашиваю, пойдете ли вы со мной.

Желтая Луна указывает чубуком трубки вверх, на небо, где живет Химмавихийо, и вниз на землю, где обитают Майюны, и в четыре главные стороны. Он зажигает и раскуривает трубку. Передает трубку Медвежонку, сидящему слева, на самом почетном месте.

Медвежонок держит трубку согласно обычаю. Он сидит неподвижно, уставясь в землю. Он не поднимал глаз с тех пор, как принесли трубку. Не поднимает он их и теперь. Великая скорбь наполняет его. В дыхании, исходящем из его груди, послышался чуть ли не вздох. Он передает трубку дальше, не затянувшись...

...Он странный, не такой, как все, и мне не нравится эта странность, эта разница. Он мне зять, и я скорблю о том, что я сделал для своей сестры. В нем причина, что у меня мало лошадей, что в жилище моем нет теперь многих вещей, которые водились здесь раньше. И все же это поправимо. Он сильный охотник. Добрый воин. Он может пробраться в землю врагов незримо, как тень. Может, когда необходимо, бороться, как большой гризли. Он мог закурить трубку, и другие, увидев это, закурили бы тоже. И все же он передал трубку, не затянувшись. Он лишь наполовину мужчина. Больше я не войду в его жилище. Чему верить? Он утверждает, что прошел через землю кроу, и вошел в поганое место, что кости — это кости отца Желтой Луны. Он сказал так Белому Волку, и Белый Волк рассказывал нам это не один раз. Это добрая повесть, которая приносит честь нашей деревне. Когда Медвежонок рассказывал это Белому Волку, он потирал трубку руками. Он указывал на вигвам зачарованных стрел и говорил: «О стрелы, вы слышите меня, я совершил это». Человек, который так поступает, не может лгать. И все же... И все же он передает трубку войны, не затянувшись. Больше мы не станем слушать его повесть...

— О барсук моего каньона, я не забыл тебя... О Майюны стен той клетки, что была доброй клеткой, вы зовете меня из холмов через широкую равнину... О молодой бык, что стал теперь старым быком, ты щиплешь добрые травы у нашего потока, мир царит в том месте, что принадлежит нам и куда не найдет дороги ни один человек...

— Но Желтая Луна — мне брат. Он тебе шурин. Между вами было уважение, какое испытывает мужчина к мужчине, и ты сгубил его.

— О жена моя, ты слышала. Ты сидела у жилища старца и готовила похлебку, ты слышала, что он говорил. Неправильно, чтобы человек поступал так, как, он в сердце своем знает, было бы дурно.

— Я слышала, но не понимаю. Почему твое сердце должно велеть тебе идти против обычаев твоего народа? Идти с боевым отрядом нелегко. Но таким путем добывает мужчина честь себе и своей семье.

— Это не мой путь. Мое сердце говорит это, но у меня нет слов, чтобы сказать почему. Один человек не может изменить племя или даже деревню. Я уйду из этой деревни. Я уйду.

— И куда ты пойдешь? Везде будут деревни. И всегда одинаковые. Глупость напала на тебя. Тебе в глаза слишком долго светила луна, и твой ум...

— Остановись, жена, я печалюсь, как печалишься ты. Но я уйду в место, которое принадлежит мне, куда привел меня дух старца, что был тебе прадедом, когда и голодал. Там много еды — хватит навсегда. Там течет чудесный поток, который не мельчает в теплое

время. Там есть укрытие от зимних метелей. Такое место, куда никогда не придут враги, чтоб причинить человеку зло и отнять у него то, что не принадлежит им. Это хорошее место. Мое место, и я уйду туда. Но жизнь моя лишится света, если ты не пойдешь со мной.

— Зазвучит ли от этого вновь смех на губах моего мужа?

— На моих губах зазвучит смех.

— Заблестят ли от этого вновь его глаза, засияют ли они мне и всему, что его окружает?

— Они заблестят и засияют.

— И будет он от этого всегда с нетерпением тянуть ко мне ночью руки, полные сокрушительной силы?

— Будет.

— Я пойду.

V

Край плоскогорий у пограничья выдержал все. Выдержал натиск перемен медленно ползущих геологических эпох и беспорядочных, поверхностных перемен эпохи человека, зафиксированной в календаре. Покоится вдаль, не потревоженный изнутри, край плоскогорий и высоких гор, что питает далеко бегущие реки, которые, соединяя свои воды, образуют широкую Миссури. Там проходит тропа, по которой шел Медвежонок на запад, вдоль реки Шайен, а там на север и опять на запад вдоль северного рукава, известного под названием Белль-Фурш. Вдоль одного из притоков тропа заворачивает на юг и уходит вверх, в Черные Холмы, которые вовсе не черные, да и не холмы, а могучие горы, и ведет к каменному обрыву, за которым лежит его каньон.

Тогда каньон был хорошим местом. Это и сейчас хорошее место. Он лежит в стороне от дорог, прорезающих горы, и городов, оседлавших низины или повисших на склонах холмов. Каньон мало изменился. Он покоится в тиши под тем же небом, и четыре времени года проходят над ним той же бесконечной чередой.

Сиу и их союзники из других племен не вошли в каньон, когда отступали в эти холмы от теснившего их белого человека. Каньон оказался бы ловушкой, где их настиг бы прицельный огонь любого врага, какой бы ни появился.

Не потревожили его и нахлынувшие затем в горы рудокопы. Тут не видно нанесенных ими ужасных шрамов: ни разрытой земли, ни взорванных скал. Ни внизу, ни вверху, где поток легкодоступен, не обнаружилось следов золота, и рудокопы прошли мимо.

Сейчас там нет бизонов. Последних давно истребили охотники, добывавшие шкуры. Белые охотники, которые изничтожили на равнинах стада в мириады голов ради одних только шкур, оставив туши гнить на месте. Они последовали за остатками стад в горы и расстреляли бизонов, что были в каньоне, стоя на выступе скалы, просто из развлечения, и даже шкур не взяли, поскольку те не стоили того, чтобы ради них спускаться по обрыву, да еще на веревках и с помощью многих людей.

Вытянутый, затупленный по углам треугольник каньона выдержал. Его четкие очертания хорошо видны с выступа скалы, куда поднимаются или откуда спускаются не замеченные

охотниками углубления на отвесной стене. Это доброе место. Сквозь ореол переливающегося всеми цветами радуги тумана поток низвергается в озерцо и течет, холодный и прозрачный, к расщелине в дальнем конце каньона. Укрытые высокими утесами деревья собрались вместе, образовав рожицы. Вдоль потока пышно разрослась бузина, попадается и осина. Среди торчащих из земли камней помахивают длинными колючими ветками кусты ягод. Доброе место для человека, чьи запросы просты, для человека, который похож на своих сотоварищей и все же непохож, который хочет жить отдельно от них, потому что иначе видит цель того краткого таинства, что принадлежит ему... Сюда прибыли Медвежонок и Пятнистая Черепаха.

Они пришли, они стоят на выступе скалы, откуда углубления ведут вниз. Идя за пятнистым пони, который много дней на всем долгом пути тянул волокушу с их пожитками, они обрели свободу гор и равнин. Они сворачивают вещи в узел, в шкуру от жилища, обвязав веревкой, собираясь спускаться с уступа на уступ. Другой веревкой он обвязывает жену вокруг пояса, чтобы она могла тоже спуститься таким путем, и держит другой конец силой рук, обеспечивая ее безопасность...

Он помогал ей ставить жилище. Она женщина и не станет ничем заниматься, покуда не возведено и не готово для ночлега ее жилище. Он срубил новые колья, длинные и крепкие, потому что у них будет большое жилище. Прочно укрепили их, придав форму конуса, который был не совсем конусом. С западной стороны, напротив входа, шести всегда ставятся с меньшим наклоном, прямее, чем другие, чтобы могли выдерживать напор остальных и устоять против ветров, которые на равнине всегда сильнее с этой стороны. Натянули и прочно закрепили шкуры. Но она не допустила его к внутреннему убранству жилища. Право женщины — разложить по своему усмотрению вещи, в той мере, как позволяет обычай племени. Она даже не позволила ему развести костер. Право женщины — развести очаг, на котором будет готовиться пища, который будет обогревать жилище.

Он наблюдал за тем, как она носилась, закрепляя более мягкую внутреннюю обивку, выбегала и возвращалась обратно или, поджав губы, размышляла, куда поместить то, повесить это. Она не красавица, но ее лицо согрето мудростью и пониманием, и она очень женственна и ему кажется прекрасной. Он наблюдал за ней, и его легкие наполнились чистым воздухом каньона. Он повернулся и пошел по берегу потока. Там, где поток замедлял бег, образуя неглубокие затончики, в прозрачной воде по-прежнему сновали рыбки. Если не жадничать, в потоке у него всегда будет водиться рыба.

В кустах, окружавших озерцо, где купались бизоны, виднелось много следов. А подалее, вниз по течению, где растут самые лучшие травы, паслись и сами бизоны. Он сосчитал их. Старый бык, что был прежде молодым быком; молодой бык, прежний годовичок; две старые коровы да одна молодая — прежняя годовалая телка; пять телят, что тогда были маленькие, а теперь годовички; четыре новых теленка, маленьких и резвых, донимали матерей, требуя молока. Всего тринадцать. Все, какие оставались в каньоне, когда он ушел отсюда, кроме двух старых коров. Те были очень уж стары. Видно, зима оказалась для них чересчур тяжелой и длинной. И все же вокруг скакали на негнущихся ножках, резваясь и бодаясь, четыре теленка. Одного принесла молодая корова; первый не очень крупный, но дальше пойдет лучше. Другого — одна из старых. А у второй старой коровы было два. У той же самой. Очень хорошая корова.

Бык, что был раньше молодым быком, еще больше подрос. Теперь он вырос совсем. Его горб мощен. Грива покрывает шею и спину, передние ноги стали длинные и толстые. Шрамы на морде почти совсем заросли шерстью. Добрый вожак доброго стада. Подрос и молодой бык, прежний годовичок. Быстро подрастает на добрых травах. Когда-нибудь, когда он почувствует, что достаточно подрос, чтобы вызвать на бой старшего быка, они будут драться и он будет побежден, но, подрастая, снова и снова будет вызывать на бой, и настанет день, когда он выйдет непобежденным. Наверное, до того, как наступит этот день, придется забить старого

на мясо. Тогда ему никогда не придется изведать вкус поражения — ни от возраста, ни от молодого быка. И мясо лучше, если бык не очень стар. Мужчина может прекрасно жить здесь с женою все четыре времени года, убив за это время четыре бизона, ну, может, пять, и в каньоне всегда будут бизоны.

Медвежонок возвращался вдоль подножия ближайшей стены каньона. Зашел в ягодник, среди торчавших из земли камней отыскал плоский камень и сел напротив, скрестив ноги.

— О барсук, — сказал он, — я вернулся домой. — Он ждал, но ничего не было слышно. Он ждал, и вдруг неизвестно откуда возникла темно-коричневая голова с длинной белой полосой. Барсук взобрался на камень. Ужасно худой, изможденный. И смотрит сердито. Стар стал, а жизнь для старого барсука, запертого в каньоне, где нет жирных, сытных сусликов и луговых собачек, которых ему легко поймать, трудна. Надо долго ловить полевых мышей, которых трудно поймать барсуку: может, когда-нибудь за долгое время попадет кролик, сдуру укрывшийся в норе, а как-нибудь уж за очень долгое время — каменный суслик, спустившийся вниз по крутым склонам. Приходится есть даже жуков и других насекомых, грызть корни и кору деревьев. Барсук смотрел сердито — на камне не было мяса. Он перевалил через край свое широкое плоское тело и исчез. Но Медвежонок был счастлив. Барсук по-прежнему жил в его каньоне.

— О барсук, — сказал он, — будет мясо. Каждый день будет. Ты бросишь на меня сердиться и снова заговоришь со мной.

Он встал. Увидел поднимающийся над кустами недалеко от потока дым. Там его жена, его жилище. Она готовит пищу, которую добыл он. Вокруг вздымаются высокие кручи, отрезавшие его от остального мира, служащие ему щитом, защитой. Великого покоя исполнился он. Чистый воздух наполнил ему грудь так, что она чуть не разорвалась.

Он поспешил к тому месту, где по сваленным камням пролегал неровный спуск, связующее звено между дном каньона и лестницей из выдолбленных углублений. В этом месте, воспользовавшись ими, человек мог залезть наверх или спуститься вниз. Медвежонок начал сверху, двигался вниз, разворачивая и раскидывая камни во все стороны. Они подпрыгивали и скатывались, одни туда, другие сюда: наклонный спуск пополз и ушел у него из-под ног. Позади высилась гладкая каменная стена, со дна каньона не вело к следующему уступу ни одно углубление.

Медвежонок услышал, как его позвала жена. Она, если еда готова, не станет ждать, подобно большинству женщин, куда муж придет, когда ему заблагорассудится. Сготовив, она звала, и он приходил. Он видел дым костра, на котором она собиралась готовить, и знал, что скоро будет еда. Но ждал, пока она позовет. Он любил слушать ее зов. И любил идти на ее зов. Когда они поедят, он возьмет ее за руку, поведет по каньону и покажет клетку, которая была доброй клеткой.

— Это тут ты убил старого быка? Вокруг этого дерева ты обвязал веревку, ту, что сделал из чулок и рубахи? Не рассказывай теперь больше про это. Мне неприятно представлять, как ты скачешь на одной ноге, а кость правой ноги перебита...

Это тут молодой бык, что стал теперь старым быком, бился с кугуаром, всю ночь, а потом еще долго утром? Храбрый бык. Шрамы на его голове — знаки чести. И он принадлежит нам. Только не говори, что он посрамил тебя. Тебе было страшно, но ты вышел с луком и ножом и не опоздал...

Это шалаш, где ты спал один? Только такой и могут поставить мужчины, темный и тесный, и солнце сюда не попадает, и внутри никаких удобных вещей.

— Это шалаш, где я спал; но я не был один. Ты приходила ко мне во сне.

— Это глупые речи. Я не приходила. Я была далеко, в своей деревне... Но это добрые речи, мне приятно их слушать. И шалаш добрый, потому что даже в темноте я вижу, как твои глаза снова блестят и сияют мне.

Тихая тьма повисла над каньоном. В жилище тускло мерцал очаг. Медвежонок лежал на ложе и смотрел на жену. В третий раз закончила она расставлять вещи. Посмотрела на него и отвернулась, и улыбка была у нее на губах. Она подошла и легла на ложе. Он обнял ее, сначала нежно, потом с неистовой страстью; обоим было хорошо. Они лежали неподвижно. В горах поднялись ночные ветры и задули над высоким плато. Они разослали сквознячки по расщелинам вдоль края обрыва, и те лихо и глухо пересмеивались меж собой. И Майюны скал выплыли, как туман, прицепились к ветрам и со смехом понеслись в вышине; он слышал их, и лежал неподвижно, и смеялся вместе с ними таким же тихим, глубоким, гортанным смехом.

— О моя Пятнистая Черепаха. Послушай. Говорят Майюны.

— Я слышу только ветер. Но хорошо, что смех вновь вернулся на губы моего мужа.

— Послушай. Они говорят со мной.

— Я слышу что-то похожее на голоса, но я не понимаю их. Что они говорят?

— Они говорят: «Маленький брат, ты снова дома. Ты привел к нам маленькую сестру. Это хорошо».

И Майюны помчались с ветрами вниз по каньону, они плясали в вышине и примчались назад, тихо посмеиваясь меж собой.

— Я опять слышу их голоса, но все равно не разбираю. Что они теперь говорят?

— Они говорят: «Маленький брат, та женщина, что стала тебе женой, лучше всякой женщины, которая привидится во сне. Она хороша, как свет, что встает над краем земли при первом сиянии утра. Она согревает, как летнее солнце, когда оно стоит прямо над головой. Она услаждает, как добрый сон, что приходит в ночи после многотрудного дня охоты».

— Это глупые речи. Майюны не станут так говорить... Но это добрые речи. Расскажи мне еще, что они говорят.

Настала осень. Он собрал дикие сливы, она очистила их от косточек и засушила на зиму. Он наносил уйму ягод аронии и ирги, она истолкла их на выдолбленном камне и, налепив тонких лепешек, засушила на то время, когда придут холода. Он набрал бизоньей ягоды, которой было не так много, и дикого винограда, которого было мало, и они тоже пошли в заготовки. Эти и другие запасы пополнили кладовку, где уже было вдосталь мяса, которое он добыл в своем стаде, мясо старой коровы, но не той, что принесла двойняшек, и небольшого бычка, одного из годовичков. Она обрабатывала шкуры. Это женское дело, и, раз уж она здесь, она не позволяла ему это делать, а Медвежонок обходил свой каньон, посиживая на солнышке, скрестив ноги, и барсук разговаривал с ним. В этот день он сидел в тишине, и она оставила работу и пришла к нему. Если она шла медленно, барсук оставался, но не говорил, пока она была там. В этот день она пришла медленно, и на ее губах играла легкая таинственная улыбка.

— О Медвежонок, мой муж с сильными руками, ты должен забить для нас одного из телят, одного из самых молодых весенних телят.

— Почему должен я сделать это? У нас достаточно мяса. Пройдет время — теленок подрастет, станет сильнее и больше.

— Теперь это не важно. Я должна сшить маленькое покрывало из нежной молодой кожи. Я уверилась наконец. Когда растают зимние снега и на деревьях начнут распускаться почки, у нас будет ребенок. — Она стояла прямо и гордо, потому что внутри у нее совершалось то, что способна совершить только женщина и что ставило ее в домашнем кругу жилища вровень с мужчиной.

Он вскочил на ноги, и барсук, встряхнувшись всем своим широким плоским телом, убежал, поблескивая коричневым с проседью мехом. Он вскочил на плоский камень. Он кричал и смеялся:

— Это будет мальчик! У него будут длинные сильные ноги, и он сможет быстро бегать! Это будет сын, я стану отцом, и нас соединит прекрасное чувство! — Он стоял на плоском камне и смотрел на нее. — А может, это будет девочка. И походка ее будет легка и грациозна, как у молодого оленя. А когда она вырастет, она будет тепла и женственна, как мать...

Зима выдалась мягкая. Снег ложился, понемногу сходил, оголяя землю, и ложился опять. Ни разу он не был настолько глубок или покрыт такой твердой коркой, что бизоны не могли добыть себе пищу. Бураны пронеслись над ними, пронизывая холмы, но не спускались в каньон. В укрытом снаружи снегом жилище, где постоянно теплился очаг, было тепло. Когда земля освобождалась от снега, Медвежонок собирал кизяк, когда выпадал снег, собирал хворост. Это женское дело, но он не позволял ей этим заниматься, а когда ей было тяжело, потому что это был ее первенец, выполнял и другую женскую работу. Готовил пищу, тушеное мясо и похлебку из сытного мяса и других припасов, что были у них в кладовке. Мыл посуду после еды. Но когда он собирался убирать все на место или подметать пол, она со смехом брала лыжи и, выгнав его, делала это сама. А порой, когда она ночью не могла спать, он, привстав рядом с ней и опираясь на локоть, нежно проводил другой рукой по ее лбу и рассказывал, что в вышине говорят Майюны. И она гордилась всем, и трудными временами, и легкими, ибо это было частью того, что совершала она.

Однако, когда зима состарилась, и снег сошел с земли и больше не выпал, и первые, чуть заметные ростки зелени пробились вдоль зарослей кустов, она сделалась очень молчалива. В это время она должна бы подолгу беседовать со старыми женщинами в деревне, но не было старых женщин, с которыми можно потолковать. В это время она должна бы просить молодых женщин, по своему выбору, приготовить и помочь ей при появлении ребенка, но не было молодых женщин, которых можно об этом просить. Она сделалась очень молчалива и, бывало, подолгу не желала говорить, а заговорив, раздражалась, и голос ее срывался. Иногда она замыкала от него свое лицо, словно его не было здесь. Он видел все это и встревожился. Делал еще больше женской работы, и это было нехорошо, потому что напоминало ей, что рядом нет ни матери, ни свекрови, ни двоюродной сестры, которые помогли бы в это время в домашней работе, и она раздражалась и резко разговаривала с ним.

Он соорудил колыбельку, выстелив дно под подстилкой мохом, а она посмотрела на нее, отвернулась и ничего не сказала. Колыбель должна быть сделана женщиной, имевшей детей, родственницей будущего отца, если ж таковой нет, родственницей матери.

Он все сделал и все приготовил: ушат, чтобы обмыть ребенка, а рядом с ним — нож, чтобы перерезать пуповину, крошечное мягкое покрывало, чтобы завернуть ребенка, и мешочек с порошком степного дождевика, чтобы предохранить от раздражения нежную кожу на внутренней стороне маленьких ножек. Она видела, как он ставил и без конца переставлял вещи, и лицо ее прояснилось, она улыбнулась ему и объяснила, как найти нужную кору и приготовить лекарство, которое облегчит роды. Но когда он это сделал, лицо ее снова замкнулось — она вспомнила, что лекарство, приготовленное мужчиной, не обладает такой силой, как лекарство, приготовленное женщиной, рожавшей детей.

И все же, когда пришел срок, он испугался, а она произносила ободряющие слова. Пот стекал по его лицу, словно потуги начались у него, а она говорила ему, что делать, и его так поразили первые крики новорожденного, что он только неловко суетился, пытаясь завернуть его в мягкое покрывало, и она велела положить младенца рядом с ней, чтобы завернуть его, — это был мальчик, хорошо сложенный, с ножками, которые вырастут длинные и сильные и будут быстро бегать...

Весна стояла недобрая. Холодная и сырая. Пошел дождь и не прекращался много дней. Поток вздулся, земля промокла насквозь. Только прорыв вокруг жилища канаву и отведя воду, смог Медвежонок добиться, чтобы вода не просачивалась под шкуры внутрь. Когда не было дождя, ночью с гор скатывался туман, заполняя каньон, и поутру подолгу боролся с солнцем. Дым очага не выходил из жилища, как должно, в отверстие вверху. Лишь развесив покрывала у огня на веревках, удавалось Пятнистой Черепахе избавиться от сырости. А потом их худышка, их малыш-пушистик, их Лисенок подхватил кашель, от которого нет избавления.

Пятнистая Черепаха давала крошке по каплям чай из оленьей мяты, которая, говорят, полезна для легких, терзаемых долгим кашлем. Не помогло. Быстро обрыскала она весь каньон, нашла наконец кустик красной целебной травы, растерла листья и несколько часов кипятила порошок в воде, приготавливая негустой сироп, который, говорят, помогает размягчить и прогнать застарелый кашель. По каплям давала она ему сироп — и не помогло. Она не знала, что делать дальше, и Медвежонок не знал. Она держала малыша в тепле и нянчила во время кормления, но он ел очень плохо, а через некоторое время и вовсе перестал. Он очень ослаб и совсем расхворался.

Она ни на миг не оставляла малыша, баюкала его, держа на руках, прикинув к нему лицом, но ничто не могло остановить кашель. Звук был тихий, несильный, и все же он наполнял жилище великим страхом. Он бил в уши Медвежонка — тот делал все, что мог, подкладывая дрова в огонь, раздувая очаг, заставляя его жарче пылать и обогревать жилище. Он сварил суп, крепкий и вкусный. и отнес ей, но она и не притронулась. Попробовал сам — суп был хороший, но во рту у него стояла горечь, и он тоже не мог есть. Кашель раздавался теперь совсем слабо, но все равно бил ему в уши, и Медвежонок вышел из вигвама. Была ночь. Облака затянули щербатую четвертушку луны, было очень темно. Он вперился в черноту, потом принялся ходить. Он шагал взад и вперед перед жилищем, и черные мысли кружили в его мозгу. Если б он мог увидеть эту болезнь, он мог бы бороться с ней. Пусть бы она когтила кашлем его тело сильнее, чем рвали когти громадного кугуара, только б ему очутиться рядом с болезнью и вонзить нож туда, где средоточие ее жизни. Но как человеку бороться с тем, чего он не видит? Взад и вперед шагал он, и черные мысли кружили у него в мозгу.

Медвежонок остановился. Вокруг не раздавалось ни звука. Вошел. В тусклом свете догоравшего очага увидел, что она сидит, как и сидела. Она не баюкала на руках крошечный сверток. Кашля не было слышно; не было слышно, как крошечное горло пытается дышать. Не было вообще ни звука.

Он попытался говорить и не мог. У него не было слов. Он подошел к ней, сел рядом, она встала и вместе с неподвижным свертком перешла на другую сторону жилища, села там. Он не пошел за ней. Он сидел неподвижно. Он чувствовал пустоту внутри — нет ни слов, ни, казалось, чувств. Голова его поникла, как у нее, и они сидели совсем неподвижно, и костер догорел, лишь вспыхивали угольки, но и они догорели, и в жилище стало так же темно, как в ночи...

При первых проблесках рассвета он поднял голову. Шея одеревенела, но он не замечал этого, потому что разум его тоже одеревенел от странных мыслей, причинявших боль. У другой стороны, как и прежде, сидела она; но она тоже подняла голову и смотрела на него. Лицо ее было замкнуто для него. Бессмысленная маска, за которой скрылась Пятнистая

Черепаха. Она отвернулась. Встала на колени, положила крошечный сверток на землю перед собой и начала готовить его к погребению. Она держалась так, словно Медвежонок не было рядом. Он подошел к ней, желая помочь, но она отвернулась, и ему ничего не осталось, кроме как стоять и глядеть на нее.

Закончив, она выпрямилась, держа в руках приготовленный крошечный сверток, и по-прежнему так, словно она была здесь одна, словно его не существовало. Он встал перед ней:

— Я отец.

Лицо ее замкнулось, но она посмотрела на него и через миг протянула руки и положила ему на руки крошечный сверток. Медвежонок подождал, пока она собрала вещи, предназначавшиеся для малыша, и, ступая впереди, вышел. Он встал перед жилищем, она стояла за спиной; он посмотрел вокруг. Он обвел взглядом весь каньон и выбрал место. На дальней стене каньона, примерно на уровне человеческого роста, виднелся небольшой уступ, за которым открывалось углубление, образующее неглубокую пещеру. Хорошее место и подходящего размера. Медвежонок пошел туда, и она шла за ним. Он опустил крошечный сверток на уступ, в пещерку. Старательно повернул его на восток, к восходящему солнцу. Взял у нее вещи, которые были вещами малыша, и разложил их вокруг свертка. Острая печаль охватила его. Не было тут пятнистого пони, чтобы зарезать его у могилы, чтобы дух маленького верхом на духе пони мог быстро ехать по тропе, где все следы ведут в одну сторону. Не было тут старца их племени, который спел бы песнь смерти, доставшуюся им от предков, чтобы подбодрить в пути дух маленького. Лишь скорбящий отец, который не мог говорить, а позади него, но не вместе с ним, скорбящая мать, которая не хотела говорить.

Он сидел на земле перед жилищем, скрестив ноги, и курил трубку, но она не принесла покоя. Печаль его была велика, но не находилось для нее слов. Пятнистая Черепаха была в вигваме, лицо ее замкнулось перед ним, и он не мог оставаться там, где она. Он слышал, как она движется. Она вышла и прошла мимо так, словно его не существовало. Она что-то искала; нашла — это был топор из заостренного камня, насаженного на крепкое деревянное топориче, лежавший там, где он оставил его, когда рубил сучья для очага. Держа топор в руке, она вновь прошла мимо него в жилище. И новая печаль охватила его — Медвежонок знал, что она собирается делать, и не мог ее остановить. Можно забрать топор, но тогда она нашла бы иной способ, выждав, пока его не будет поблизости. Он не должен ее останавливать, она поступает согласно обычаю.

Медвежонок ждал. Он услышал глухой удар — топор опустился, рубанул и ударил о камень. Медвежонок все ждал. Она не хочет, чтоб он был рядом. Но больше он не мог ждать. Он вошел и стал у входа. Она остановила кровь и теперь завязывала обрубок среднего пальца на левой руке, отсеченный у первой фаланги. Скорбь и множество печалей поднялись в нем, но лицо ее оставалось маской, непроницаемой для него, и он не смел подойти к ней. Мужчина не может отрубить себе палец, чтоб выразить свою скорбь. Мужчине нужны сильные руки — для охоты, для сражений. Он разорвал рубаху. Правая рука извлекла из ножен на бедре нож. Медвежонок резанул им по груди — сначала раз, потом еще, распарывая кожу и погружая его глубже. Яркая кровь ручейками побежала вниз.

Она увидела кровь, сбегавшую яркими ручейками. Лицо ее открылось для него.

И он смог говорить. Не о скорби своей говорил он. О ней говорила за него струившаяся кровь. Он говорил о горечи, скопившейся в его мыслях.

— Если б здесь были другие женщины, они бы знали, что делать. О горечи и печали.

— Если б здесь был человек, искусный в волшебстве, он знал бы, что делать...

И Медвежонок, странный, не такой, как все, вышел в свой каньон. Он шел вдоль потока и видел рыбу в неглубоких затонах. Видел бизонов, щиплющих добрые травы. Видел, как кружат вокруг него высокие, неприступные, скалистые стены его каньона.

— Слишком долго жил мой разум в ночном свете луны. Пусть же пребудет он в дневном свете солнца.

...Человек попадает в каньон, называет его своим, завладевает им хитростью своего ума и храбростью сердца. На одной ноге костяной, на другой — деревянной убивает он могучего бизона; у него есть все, что нужно: еда, и одежда, и кров. Он сохраняет власть над каньоном, убив злодея, который испортил бы каньон, убив горного кровопийцу. Каньон принадлежит ему, он добился этого. Но он совершил это не в одиночку... В его руке нож, изготовленный далеко отсюда другим человеком, нож, который вручил ему старец, великий. Его мозг полон знаний — как добыть огонь, как изготовить оружие и одежду, как найти пищу и соорудить укрытие — знаний, которые передали ему те, кто учил его в детстве, кто показывал, как что делается, когда он жил среди них. Сам по себе он ничто. Только храбрость — его собственное достояние. Вместе с ним — даже здесь, в каньоне, — все они, и Медвежонок не сможет никогда отделиться от этих людей, ибо то, что они дали ему, прикипело; без них он не мог бы назвать каньон своим...

...Он приводит женщину в свой каньон. Это хорошо. Это довершает все, что есть хорошего для него в этом месте. Она тоскует по разговорам с другими женщинами, по деревенской болтовне, по танцам молодых, по советам и историям старших, по участию родных, что дороги ее сердцу. Ради него она согласна мириться с отсутствием всего этого. Она не станет говорить о своей тоске и постарается, чтобы он не догадался. Но тоска есть... У нее рождается ребенок. Она одна, помочь ей может только неуклюжий мужчина. На ребенка нападает болезнь. И некому позаботиться о нем так, как позаботились бы старые женщины или мужчина, искусный в волшебстве. Малыш умирает. Быть может, так повелел Химмавихийо, Мудрый Верховный, и ничто не спасло бы ребенка. Но откуда взяться уверенности?.. Может родиться другой ребенок. Он будет здоров, и выживет, и будет расти. Пусть это мальчик. Кто добудет для него удачу и рассечет ему уши? У него крепкие длинные ноги, он умеет быстро бегать. Где мальчишки, с которыми он будет играть? Где старики, что поведают ему о племени, об истории, о старых временах и расскажут о том, что нужно делать? Он подрастет, в его душе поселится тревога. Где старец, где великий, что сможет наставить его в испытании голоданием? Он подрастет, и в нем зародится желание мужчины. Где девушка, что благосклонно поглядит на него, когда он станет поджидать ее в вечерних сумерках и дернет за край одежды?.. Или пусть это девочка. Где бабушка или старуха, которая заменит бабушку, кто научит ее тем вещам, какие положено знать девочке? Где другие девочки, с которыми она будет играть, и вести бесконечные девчоночьи разговоры, и упражняться в том, как выкраивать мокасины, низать бусы, шить одеяла из лоскутов? Где молодые люди, на которых она благосклонно посмотрит, ради кого она будет тихо сидеть, ничего не возражая, пока отец будет размышлять о присланных юношей подарках и о благе дочери, дорогой его сердцу?..

...Что хотел сказать старец своими словами? Человек должен быть уверен, что сердце говорит ему правду... Один человек не может изменить племя. Но он может жить со своим племенем, не позволяя чересчур изменять себя...

И Медвежонок, странный, не такой, как все, сын смешливого отца и матери с нежным голосом, толстунчик с короткими ножками, чьи уши рассек Стоящий Всю Ночь, пошел напрямик через каньон к тому месту, где беспорядочно валялись разбросанные во все стороны камни, прежде сложенные так, что получался наклонно поднимающийся спуск, где каменный обрыв уходил вверх, до первого уступа, гладкой стеной без единого углубления. Медвежонок наклонился и поднял камень. Он принялся громоздить камни один на другой.

Пятнистая Черепаха, правнучка Стоящего Всю Ночь, сестра Желтой Луны, жена Медвежонка, стояла у входа и смотрела на него. Она подошла к нему.

— Почему ты это делаешь?

— Мы возвращаемся к своему народу.

Счастье, вызванное словами, поднялось и просияло в ее глазах; он увидел и уверился, что сердце сказало ему правду. И все же печаль, что гнездилась у него внутри, была велика. Она нарастала, пока, казалось, не разорвет ему грудь. Он отвернулся и пошел к высоким ягодным кустам, где можно укрыться, рядом с торчащими из земли камнями, а Пятнистая Черепаха осталась и наблюдала за ним.

Барсука не оказалось у плоского камня. Уже несколько дней, как на камень не клали мяса. Он пустился своими потайными тропами добывать себе пищу. Теперь это неважно. Медвежонок заговорил, обращаясь к камням:

— О барсук, прощай. Кровь бежит по моей груди от новой печали, но она видна только мне.

Пятнистая Черепаха уже приближалась к нему по кустам.

— О муж мой. Случилось плохое. Но я молода. Я сильна. У меня будет другой ребенок. И еще один. Я не допущу их смерти. — Она была страшно изнурена, лицо вытянулось от боли, причиненной смертью малыша, и той, что она испытала, отрубив палец. Но для него эта женщина была прекрасна. — О муж мой. Я не из тех глупых женщин, которым надо, чтоб вокруг них квохтали. Мне достаточно, что ты со мной. Я не стану уводить тебя из твоего места.

Его голос звучал хрипло, царапая горло. То был голос мужчины, главы жилища, говорившего то, что он задумал и что он не собирался менять:

— Не ты уводишь меня из этого места. Я ухожу сам и увожу свою жену, как и подобает мужчине, туда, где наше место.

Он оставил ее. Он вернулся к камням у ближнего каменистого обрыва и принялся громоздить камни один на другой, сооружая наклонно поднимавшийся спуск, ведущий к уступу и углублениям над ним. Она вышла из кустов и стояла неподвижно, наблюдая. Ее лицо было согрето мудростью и пониманием. Она идет помогать ему.